

Н. А. СОТНИКОВ

И дольше века длится век...

Николай Сотников

«И дольше века длится век...».

**Пьесы, документальные
повести, очерки, рецензии,
письма, документы**

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сотников Н. Н.

«И дольше века длится век...». Пьесы, документальные повести, очерки, рецензии, письма, документы / Н. Н. Сотников — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-44-6

Николай Афанасьевич Сотников (1900–1978) прожил большую и творчески насыщенную жизнь. Издательский редактор, газетный журналист, редактор и киносценарист киностудии «Леннаучфильм», ответственный секретарь Совета по драматургии Союза писателей России – все эти должности обогатили творческий опыт писателя, расширили диапазон его творческих интересов. В жизни ему посчастливилось знать выдающихся деятелей литературы, искусства и науки, поведать о них современным читателям и зрителям. Данный мемориальный сборник представляет из себя как бы книги в одной книге: это документальные повествования о знаменитом французском шансонье Пьере Дегейтере, о династии дрессировщиков Дуровых, о выдающемся учёном Н. А. Морозове, драматическом артисте Илларионе Певцове, о выдающемся деятеле Русской православной церкви патриархе Алексии Первом, о главе буддийской церкви в СССР с 1956 по 1969 годы Еши-Доржи Шарапове, о многих других людях, встреченных на перекрёстках XX века. Впервые воедино собрана публицистика и критика Н.А. Сотникова, все его основные драматургические произведения. Сборник разнообразно и оригинально оформлен. Все тексты публикуются в авторских редакциях.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906860-44-6

© Сотников Н. Н., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Эпиграфы ко всей книги	7
Николай Ударов. Друзей архивы разбирая	8
Краткая автобиография Н. А. Сотникова	10
Леонид Соболев. Творческая характеристика писателя Н. А. Сотникова	13
Н.А. Сотников. С берегов Невы до берегов Шпрее	15
Вдохновение	15
Н.А. Сотников. Вместо предисловия	15
Н.А. Сотников. Второе предисловие к одним и тем же дням	25
Н.А. Сотников. Война пришла в наш дом не сразу	30
Н.А. Сотников. Окопные тетради	34
Н.А. Сотников. Три встречи с будущим патриархом	41
Н.А. Сотников. Церковь зовёт к защите Родины	56
Н.А. Сотников. Зоопарк в антракте между бомбёжками	56
Марина Кузнецова. В зоопарк блокадный – несколько шагов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Сотников
«И дольше века длится век...».
Пьесы, документальные повести,
очерки, рецензии, письма, документы

Автор проекта, составитель, автор примечаний и комментариев *Н. Н. Сотников*, ответственный секретарь Комиссии по литературному наследию Н. А. Сотникова

Эпиграфы ко всей книги

Да кто ж его отец?

Я. Б. Княжнин

Эпиграф к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина

... Что видишь, всё своё; везде в своём доме, не просишь ни о чём, не должен никому.

М. В. Ломоносов (*Из «Стихов, сочинённых на дороге в Петергоф»*)

«Я был революционером, потому что я не мог им не быть».

А. Н. Рубакин, *профессор медицины, очеркист, прозаик, член Союза писателей, сын выдающегося книговеда Н. А. Рубакина*

«Когда я вырос, и отца не стало, я, приезжая в родной аул Цада, любил ходить его тропами. И тогда наши старики-аксакалы сказали мне: "Не ходи тропами отца. Ищи свои тропы!"»

Расул Гамзатов (*Из телепередачи*).

Дорогому Николаю Афанасьевичу с любовью Расул Гамзатов. 26.XII-1973.

(Надпись на авантитуле первого однотомника в Москве «В горах моё сердце» Расула Гамзатова)

«Я бы очень хотел, чтобы ты подхватил мои труды и по возможности их продолжил».

Н. А. Сотников – *своему сыну Н. Н. Сотникову в день последней их встречи в июне 1978 года.*

«Это очень важно – отцовское дело продолжать».

Олег Лойко, *профессор, поэт, прозаик. Изречение из романа «Франциск Скорина» (перевод с белорусского).*

«Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее»

(Из монолога Стародума, героя пьесы Дениса Фонвизина «Недоросль»)

По отцу и сыну честь.

Одно из самых популярных русских изречений XVIII–XIX веков

Николай Ударов. Друзей архивы разбирая

Меня взять на опеку просят
осиротевшие слова.
Ещё одна людская осень
предъявит нам свои права.
Мне говорят – я научился
чужие судьбы понимать.
Мне говорят – во мне открылся
дар эти судьбы продолжать.
Мне говорят: «К чужим архивам
ты прямо сердцем прикипел.
Вот – настоящая стихия
для важных и отважных дел!»...
Ко мне заказы поступают.
Отказ встречают мой в штыки.
Никак того не понимают:
не все архивы мне близки!
Ведь я, верша свой труд громадный,
гражданский долг свой выполнял
и труд учителя с отрадой
и вдохновеньем продолжал.
Спасал я рукописи друга,
который для меня – как брат...
И как бы ни было мне трудно,
трудом я этим был богат.
И вот теперь – *архив отцовский*...
Работать с ним всего сложнеей.
Разнообразный, разношёрстный,
он всех архивов мне родней.
Творений многих я свидетель,
но судьбы разные у нас.
Проблема вновь – «*Отцы и дети*»!
Огонь проблемы не угас.
Восстановить не всё сумею,
но постараюсь всё спасти,
чтобы крылатые идеи
до дней грядущих донести.
Надеюсь, что найдётся кто-то,
чтоб мой архив поднять со дна.
Такая адская работа
для сердца верного нужна.
Да, нет забот неблагодарней,
но благородней нет забот!
...Из океана цвет янтарный
волна однажды принесёт.

Николай Ударов¹

---

¹ Николай Ударов – поэтический псевдоним Н. Н. Сотникова.

Краткая автобиография Н. А. Сотникова

Я, Сотников Николай Афанасьевич, являюсь ровесником века. Поэтому все события моей жизни очень легко просчитываются. Я вырос в семье революционера, активного участника событий в Горловке в 1905 году. Моя мать Васса Григорьевна была верной соратницей отца, потомка запорожцев, токаря-ремонтника Афанасия Григорьевича. С отроческих и даже детских лет я воспитывался в духе революционном, только ещё не знал, как и где я смогу принять самое активное участие в событиях Гражданской войны. А тут на короткую побывку в Полтаву, где мы тогда жили, прибыл мой дальний родственник и с гордостью сообщил, что он воюет под знамёнами самого Котовского! Выбор мною был сделан сразу же, и мы вдвоём пробрались в расположение бригады Котовского. Один наш путь – целая серия полнометражного фильма. Путь этот был дальний и опасный, но он многому научил меня, став своеобразной школой перед началом боевых действий.

У людей моего поколения невероятно сложные, полные драматургических ходов биографии. Я знал одного нашего писателя, у которого в анкете всё просто: гимназия, Петроградский университет, а дальше – исключительно «литературная работа на дому», заветная цель каждого преданного литературе человека. Мне заполнять анкеты не очень-то просто: никаких граф не хватает! Поэтому я некоторые страницы своей биографии сокращаю, можно даже сказать, упрощаю. К тому же мне довольно часто приходилось в одно и то же время совмещать разные должности, когда – штатные, когда – договорные, а когда – и чисто общественные.

Для автобиографии художественной время ещё не пришло, как и для мемуаров в собственном смысле этого слова. Посему ограничусь короткими строками.

Одно время был в рядах Южной группы Якира. Ранен, контужен, дважды болел тифом. Чудом остался жив: видимо, сыграл свою добрую роль крепкий организм и добрая запорожская наследственность. У нас в роду были все долгожители. Демобилизовался я в 1921 году. Был направлен в Институт народного хозяйства, но мне, прирождённому гуманитару, там было никак не прижиться – всё тянуло в мир литературы и искусства. И вот появилась возможность приобщиться к миру кино в Госкинотехникуме, предшественнике ВГИКА. В техникуме я и работал, и учился, постигая многие азы киноискусства и кинопроизводства, что мне очень в дальнейшем пригодилось.

Приобщился я в Москве и к издательскому делу, что тоже писательству шло на пользу. А тут появилась возможность переехать в Ленинград, продолжить издательскую работу и заняться учёбой в первом по тем временам учебном заведении – Высших курсах искусствознания при Институте истории искусства. Среди наших учителей были первоклассные педагоги! Достаточно сказать, что мне посчастливилось учиться истории и теории литературы и отчасти – кино у Юрия Тынянова, а истории архитектуры, прежде всего – Петербурга, Петрограда, Ленинграда – у Петра Николаевича Столпянского. С некоторыми своими однокурсниками (от слова не только КУРС, но и КУРСЫ) я подружился, и дружба эта продолжается до сих пор.

К величайшему сожалению, эти Курсы слили с университетом, и нам предложили стать студентами (а мы были как бы слушателями, даже в какой-то мере аспирантами). На это предложение никто не согласился: мы были уже не юнцы, многие штатно работали, публиковались и начинать всё с нуля не могли.

Так я остался без полноценного высшего образования, о чём весьма сожалею, но учился и продолжаю учиться с вдохновением юноши.

Вторично я стал добровольцем Красной Армии уже в 1941 году – сперва в Народном ополчении, а затем в общеармейских рядах. Мой путь военкора и военного киносценариста оборвала тяжелая контузия, после которой пришлось долго и упорно лечиться. Боевые события

вступили, говоря языком драматургии, в развязку, и я добился отправки меня на решающий, Первый Белорусский, фронт, с войсками которого и вступил в поверженный Берлин.

Наши киносценаристы и особенно кинодокументалисты так строят свои киноленты, что у зрителей, особенно молодых возрастов, может возникнуть невольное ощущение: вот отсалютовали личным оружием у стен рейхстага и – сразу же на колёса и домой! Демобилизоваться, прежде всего дисциплинированному, тем более отличившемуся офицеру было очень тяжело! Я лично просто потерял счёт рапортам с просьбой об увольнении, но вернулся в родной город на Неве почти через 14 месяцев после победного салюта. Горжусь, что именно как журналист был награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

И всё-таки я всюду и всегда оставался прежде всего писателем. Сравнительно недавно Книжная палата официально подтвердила мой 40-летний литературный стаж. Описания были столь тщательны, что я был, признаться, удивлён: пришлось вспомнить о публикациях, давно мною позабытых.

И всё-таки по материальным и семейным причинам я не мог полностью переключиться на домашнюю творческую работу. Правда, в работах штатных на киностудиях, в аппаратах Правлений Союза писателей, как и в довоенные годы – в газетах и издательствах я продолжал творческую учёбу, расширял круг знакомств, овладевал новыми приёмами работы, в том числе и педагогической. С начала 50-х годов эта работа протекала в Московской секции драматургов, был Ответственным секретарём Комиссии по драматургии Союза писателей СССР, около девяти лет – на посту Ответственного секретаря Совета по драматургии театра, кино, радио и телевидения Союза писателей России.

Обозначилась в моей послевоенной судьбе и новая для меня сфера творческой деятельности – перевод драматургических произведений писателей народов России, прежде всего Дагестана, Татарии, Марийской и Чувашской республик, переводил и украинских драматургов, с детских лет владея украинским языком. Остальные переводы я осуществлял по подстрочникам, но с непременным погружением в культурно-бытовые реалии того или иного народа. Мечтаю написать статью обобщающего характера об особенностях художественного перевода именно пьес – эту специфику я чувствую всё острее и острее.

И всё же главным было и остаётся личное творчество. В настоящее время репетируется моя пьеса «*Встреча в веках*» об истории создания М. И. Глинкой оперы «Иван Сусанин», продолжается многолетний и, пожалуй, самый заветный труд над темой истории гимна «*Интернационал*». Одновременно работаю и как очеркист: речь идёт о циклах «*Были пламенных лет*» и «*Памятные встречи*». Отдельные главы и фрагменты печатались в газете «Литературная Россия», в журналах «Урал», «Волга», «Север». Не оставляю и дорогой для меня темы истории династии Дуровых. Одной из первых передач нашего телевидения для Интервидения была большая передача с участием Натальи Дуровой. Автором телесценария предложили выступить мне. Так я впервые в жизни стал драматургом телевидения.

Не прерываю своей дружбы с радиожурналистами и в Москве, и в тех городах, куда направлялся в творческие командировки. В самое последнее время приобщился к устным выступлениям в самых разных аудиториях по линии Бюро пропаганды литературы и общества «Знание», так как ценю живое общение с будущими возможными читателями. Мне очень помогают реакция аудитории, вопросы, записки. Всё это писателю даёт отличный творческий заряд!

По мере сил и возможностей не забывал и своей работы в качестве театрального рецензента, прежде всего – для журнала «Театральная жизнь». Порою, но всё же редко, реже, чем хотелось бы, выступаю и с публицистическими статьями и проблемными очерками. Некоторые из таких публикаций имели большой общественный резонанс. Горжусь тем, что после публи-

каций одного очень острого материала мне даже угрожали по телефону! Даже номер где-то нашли, причём, домашний!

Собирался написать деловую краткую автобиографию, но, как видите, не получилось – вышло нечто похожее на публицистическую статью, на радиовыступление. Что поделать – таков творческий темперамент у человека в 66 лет.

Главное, что работа идет, что планы хотя и не так быстро, как бы хотелось, выполняются. Бойко стучит моя пишущая машинка – подарок командования 61-й армии «*За освещение Берлинской операции*», как было сказано в приказе. Эта пишущая машинка связует для меня времена моей судьбы.

Н. А. Сотников
1966

Леонид Соболев. Творческая характеристика писателя Н. А. Сотникова

Я знаю Николая Сотникова с довоенных лет как редакционного работника, киносценариста, неутомимого общественного деятеля в Доме печати. Меня всегда поражали разносторонность его интересов, глубокая и обширная эрудиция.

Какие бы явления в жизни он ни брал в качестве предмета своих литературных произведений (многочисленных очерков, очерковых книг, киносценариев, театральных статей и рецензий, пьес и новелл), к каким бы периодам жизни своего народа он ни обращался, он прежде всего искал в человеке, в природе, в искусстве прекрасное.

Повествует ли он о военных подвигах бойцов и командиров в своих «Окопных тетрадах», в фильмах «Прорыв блокады Ленинграда» и «Снайперы», повествует ли о трудовых подвигах сталевара Ивана Кайолы в киноочерке «Грядущему навстречу», горьковских земледельцев в киноочерке «Иван Емельянов, крестьянский сын», он непременно подчёркивает в своих героях богатство природы, смелость и мужество, изобретательность ума, силу русского народного характера, увлечённость в труде.

Любовь к горю на Неве писатель пронёс через всю свою жизнь. По его фильмам можно изучать историю города и историю искусства. Это прежде всего киноленты «Город русской военной славы», «Город поэта», «Зодчий Росси», «За рекой Сестрой». Автора всегда волнуют следы героической славы и одновременно светлые приметы новизны настоящего.

Выдающиеся люди русской науки и русского искусства относятся к числу любимейших героев Николая Сотникова. Это Михаил Глинка, основатель дуровской династии Владимир Дуров, учёный-энциклопедист, прозаик и поэт народоволец академик Николай Морозов. Следует отметить, что зачастую довольно сложные вопросы Сотников, не упрощая, не делая избыточных сокращений, делает увлекательными и понятными для самых широких кругов зрителей и читателей. А ведь дар популяризатора – один из редчайших в художественном творчестве!

Нельзя не сказать о глубоком интересе писателя к народному творчеству. Ещё в довоенные годы его внимание привлёк народный хор «Гдовская старина», созданный учителем Савельевым, который стал героем киноочерка «Народный учитель». В блокадные годы писатель вместе с режиссёром С. Морщихиным организует ансамбль 42-й армии, который был известен не только в армейских дивизиях и полках, но и в масштабах Ленинградского фронта и блокадного города. Участники этого ансамбля являли собой редчайший союз самодеятельной непринужденности и даже лихости и высокого профессионализма, являясь артистами-профессионалами. Сотников фактически становится заведующим литературной частью музыкального коллектива, составляет песенный и чтецкий репертуар, сам пишет тексты в прозе и в стихах. Широко известной была его боевая песня *«Вперёд, сорок вторая, в году сорок втором!»*

В послевоенные годы, являясь ответственным сотрудником Правления Союза писателей России, Сотников большое внимание уделяет художественной самодеятельности, народным театрам, проводит всероссийские семинары, отбирает и редактирует пьесы, готовит к печати репертуарные сборники, которые издательство «Советская Россия» выпускает в свет большими тиражами. Особое внимание Сотников уделяет дефицитному жанру комедии.

У каждого автора есть своя главная, заветная тема. Такой темой для Сотникова стала история создания гимна «Интернационал». В 1928 году ему посчастливилось лично познакомиться с автором музыки гимна Пьером Дегейтером. Все минувшие с той поры годы писатель занимается драгоценной для него и для всех нас темой: сценарий фильма, пьеса, десятки очерков, радиовыступления... Воистину тема оказалась неисчерпаемой.

Сотников обладает очень редким даром – даром литературной педагогики. Бывает, что автор и опыт значительные имеет, и довольно широкие познания, и общефилологическая основа у него есть, а найти контакты с молодыми авторами не может, не хватает терпения, деликатности, сосредоточенности, можно сказать, и самоотверженности. Увы, встречаются даже случаи, когда литературный педагог «заимствует» навсегда у своего ученика какой-то особенно яркий образ, сюжетный ход и т. д. Сотникова отличает абсолютное бескорыстие. Он готов в ущерб своим личным творческим делам неделями, а то и месяцами совершенствовать драматургические тексты своих учеников. К тому же он оказался и умелым и инициативным организатором литературной учебы: участники семинаров слушают лекции видных театроведов, литературоведов, историков, совершают литературно-краеведческие экскурсии, непременно посещают несколько наиболее интересных и поучительных в педагогическом отношении спектаклей в местных театрах. Я уже не говорю о бесконечных организационных, административных и даже финансовых вопросах, которые приходится решать быстро и чётко, по-фронтовому.

Стоит ли удивляться тому, что Сотникова знают и любят во многих писательских организациях России. Учеников у него десятки, и каждому он старается помочь, вникая даже в бытовые, жилищные дела. Один дагестанский драматург-сатирик прямо заявил, что «Николай Афанасьевич – наш всероссийский отец!»! Это очень редкое и ценное свидетельство признания.

Недаром поиски прекрасного в человеке, во всех многообразных проявлениях его духовной жизни и составляют существо и смысл творческой деятельности Николая Сотникова.

Леонид Соболев²

---

² Леонид Сергеевич Соболев (1898–1971) – прозаик, очеркист, Лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда, организатор и руководитель Союза писателей России, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР. *Здесь и далее все постраничные примечания Н. Н. Сотникова.*

Н.А. Сотников. С берегов Невы до берегов Шпрее

Вдохновение

Н.А. Сотников. Вместо предисловия

Воспоминания о первом дне войны у многих авторов проникнуты благостным чувством покоя, красоты окружающей жизни, очарования прелестным июньским днем... И у меня этот последний мирный день оставил добрый след в душе. В превосходном настроении я проснулся в уютной комнате Дома творчества писателей на Карельском перешейке и сразу направился к берегу моря.

Было мне тогда сорок лет (сорок первый ещё не исполнился), чувствовал я себя физически неплохо, был полон сил и творческих планов, а главное – наконец-то пришли и опыт, и мастерство, и, что самое для писателя главное, – признание. На «Ленфильма» заканчивался производством мой фильм о сталеварах Коробовых^{3*} *«Отец и сын»*. Одновременно с ним (сейчас такую ситуацию и представить себе нельзя!) шла работа над вторым фильмом – *«Певец из Лилля»* о славном шансонье Пьере Дегейтере, авторе музыки гимна «Интернационал». Продолжал свою работу и как кинодокументалист, сосредоточив внимание на историко-архитектурной теме. Приступил к автобиографической повести и одновременно собирал материал о жизни и творчестве моего кумира в музыке Михаила Ивановича Глинки... Впервые я обрёл финансовую независимость, что для писателя чрезвычайно важно – два полнометражных фильма это к тому же и весьма солидные гонорары.

Конечно, о том, что война будет, я не сомневался. В этом меня убеждал и мой военный опыт, немалый, прямо скажем, для сугубо штатского по духу и настрою человека: ведь я был участником всех походов и кампаний за исключением Халкин-Голла и Хасана! Но и ещё раз но – всё-таки теплилась надежда, что Гитлер не решится воевать на два фронта, а в Западной Европе он увяз основательно.

Пока живу – надеюсь. Этот девиз древних питает душу каждого человека, если он не закоренелый пессимист. И вот я стою у Балтийских вод и просто-напросто любуюсь игрой волн, красками неба, силуэтами Ленинграда и Кронштадта. По прибрежному шоссе бегут автомашины, переполненные ленинградцами, торопившимися на отдых. В соседнем пионерлагере звенят ребячьи голоса...

Я постоял немного и спустился к воде. На песчаном пляже поудобней устраивались загорелые купальщицы. Одна из них стояла на мостике, готовясь к прыжку в воду как бы повторяя собой репинскую «Купальщицу» – этюд, написанный великим художником в соседней Куоккале. Из репродукторов неслась ария: *«Я вас люблю, люблю безмерно...»*. Как вдруг эту чарующую мелодию сменила та самая памятная речь Молотова: на рассвете напал на нас лютый враг, безжалостно бомбивший наши мирные города...

Надо было куда-то бежать, что-то предпринимать, срочно сниматься с места. Остаться здесь в роли отдыхающего было невыносимо! Но случилось так, что я сразу не смог найти своего места в мгновенно разгоревшейся борьбе. Об этом я скажу несколько ниже, а пока постараюсь припомнить, что же я ещё видел в тот день. В памяти наступает какой-то обрыв. До сих пор не восстановить некоторые картины и эпизоды, хотя на память, натренированную изда-

---

³ В сценарии они Колобовы, в фильме – Удаловы. Этот фильм в копиях шёл в городе и на Ленинградском фронте.

тельской, газетной, литературной и кинематографической профессиями, я никогда не жаловался. Столь велико было переживание!

Я отправился в Дом творчества и стал спешно собираться в Ленинград. Но выехать отказалось не так-то просто – шоссе оказалось битком забито, а поток машин двигался уже в другом направлении – к Ленинграду. И машины мчались *другие*, и публику везли *иную*. Это начальство, отдыхавшее на Карельском перешейке, со всеми багажами начинало свой путь в эвакуацию. Оно, начальство, панически покидало райские уголки для отдыха, справедливо рассудив, что как бы ни сложились боевые действия, а уж Карельский-то перешеек тылом никак не будет и скорее всего станет наоборот – театром военных действий.

Моя текущая литературная работа, как я уже только что говорил, носила сугубо мирный характер. Это вовсе не означало, что я совсем не писал о войне, о подвигах, о славе, но писателем так называемой *оборонной тематики* (было такое определение в довоенные годы) меня назвать было никак нельзя.

А о чём писать сегодня – я ещё не знал и в первые дни войны очень томился без нужного для обороны страны дела. И вдруг я узнаю, что в одной из школ Выборгского района идёт запись в добровольческий полк ленинградцев. *Формировалось Народное ополчение*, и я понял, что моё место в его рядах.

Дома у меня хранилось военное обмундирование, в котором я ещё, казалось, недавно участвовал в Финской кампании. Одевшись по форме, я едва успел встать в шеренгу бойцов одетых ещё в гражданские костюмы, и тут же был выведен из шеренги. Как работник фронтовой печати, я имел звание *капитана*. У самого же командира формирующейся роты было только три «кубика» *старшего лейтенанта*. Мы даже не поняли сразу, кто кого должен приветствовать первым.

– Выйдите, выйдите из строя, товарищ капитан, – приказал мне мой новый командир – старший лейтенант. – Обратитесь в штаб полка за назначением.

Меня направили к парторгу полка – тоже сугубо штатскому человеку преподавателю политических дисциплин в педагогическом институте.

– А почему вы не обратились в свой. Октябрьский, райвоенкомат? – деловито спросил меня парторг-капитан.

– В Октябрьском районе сказали, что я призыву не подлежу, а в Дзержинском, к которому относится Союз писателей, проявлена странная инициатива – набран стрелковый взвод очкариков, а меня после просмотра моих документов послали опять в Октябрьский райвоенкомат. Так я и остался – ни к селу, ни к городу. И вдруг случайно узнал о вашем полке.

– У нас уже нет начсоставских должностей в политчасти, – доложил парторг комиссару. – Пускай идёт домой, он – ограниченно годный по возрасту и по здоровью.

– погоди ты отсылать его, – кивнул в мою сторону комиссар полка. По профессии он был преподавателем в институте иностранных языков. – Писатель может пригодиться и нам в части. Пусть пока побудет с бойцами.

И комиссар велел отыскать для меня какую-нибудь подходящую вакансию.

Ночь я провёл на нарах, наспех установленных в школьном классе с отодвинутыми к стенам партами. Рядом со мной отдыхали ополченцы – люди самых неожиданных профессий: балетмейстер из какого-то ансамбля, инженер-конструктор из проектного института, виолончелист из театрального оркестра. Были там и техник с электролампового завода, и помощник режиссера с киностудии «Ленфильм», и рабочий мельничного комбината, и водитель трамвая... Хорошо, что я с ними познакомился уже в первую ночь. Нигде люди так быстро не знакомятся и не сходятся между собой, как в пути и в армии.

... К утру отыскалась только одна штатная единица, пока ещё свободная – *переводчик с немецкого языка*. Я призадумался: «А что я буду делать, пока появится первый пленный

фашист? Конечно, надо бы освежить в памяти знания немецкого языка ещё с далеких времен учебы моей в Полтавском реальном училище...».

И вдруг комсорг полка мне говорит:

– Ау нас в клубе показывали Ваши фильмы об архитектуре Ленинграда. Всем этим красотам грозит непосредственная опасность. Что если Вы такие беседы среди личного состава проведёте – вроде бы об истории архитектуры и искусство, но с военно-патриотическим уклоном. К тому же у нас не только ленинградцы – есть и из области люди, и иногородние появились. Впоследствии их будет ещё больше. Да и сами-то ленинградцы, прямо скажем, очень многого по истории нашего города не знают!

– Вот это дело! Это нам очень пригодится на первых порах! – решил комиссар и благословил мою лекторскую работу.

– Хорошо бы устроить несколько мысленных прогулок с бойцами по улицам и площадям Ленинграда, – предложил я, и тотчас же моя идея была, как любил говорить наш комиссар, «затверждена». И я стал готовиться к беседам. Мне разрешалось пользоваться школьной библиотекой, делать выписки из книг, справочников... Я тут же пересмотрел каталоги и развёл руками – книг мало, и все они *для такого* разговора не годились. Тогда мне позволили добывать материал и на стороне – ходить в центр города в музеи, в Публичную библиотеку... Военная служба, как вы видите, первое время меня не очень-то обременяла. Но всё равно – всё надо было делать чётко, быстро, по-военному.

Утром, отправляясь на поиск необходимых книг, я видел, как во дворе школы-казармы ополченцы очищали от обильной смазки только что выданные им винтовки-трехлинейки и внимательно слушали беседу того самого старшего лейтенанта, который вывел меня из строя. До чего интересным показался мне разговор этого командира-строевика!

– Стрельба по самолету! Удобнее всего с колена. Цель сама нанизывается на пулю – на малой высоте, конечно. Не выйти ему из пике – земля для него гроб! Стрелять по танкам – стрелять только по щелям! Иначе – напрасный перевод патронов! Залить свинцом глаза врагу-водителю! И – баста!

Что ж, молодец! Просто, наглядно и доходчиво. Есть чему поучиться. Но в моих темах особенно-то упрощать нельзя! Ни в коем случае нельзя! Хотя бы потому, что от слишком простого изложения сразу же притупится у слушателей внимание. Среди них почти все закончили школу, немало и тех, у кого вузовское образование, в том числе и гуманитарное. Такие слушатели особенно к коллегам ревнивы, придирчивы. С другой стороны, превращать наши беседы в семинары профессора Столпянского тоже не дело! И тут меня осенило: зачем я буду идти по второму, по третьему кругу в поисках материала – ведь у меня дома бережно хранятся конспекты лекций Столпянского, записи его ответов на вопросы слушателей (нас на Высших курсах⁴ *студентами* не называли – величали *слушателями*, а профессора к нам обращались не иначе как «*коллеги*»)...

И я отправился к себе домой на Мойку. Мое писательское жилище выручило меня тогда, выручит и не раз в дальнейшем. Все-таки что ни говори, а то, что писатель собрал *для своей собственной творческой работы*, всегда ему будет дороже и сподручнее любых методических пособий, учебников и монографий. Почему? Да прежде всего потому, что материал уже «пропущен» через конкретно-образное горнило, переплавлен, обработан, ориентирован на восприятие широким читателем, зрителем, слушателем. Вот в чём главная разгадка!

Два-три посещения дома на Мойке дали отличные результаты. Я был готов к беседам и спросил у своего нового начальства: «Когда же выберется время для моихсообщений?»

Имеются в виду Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств.

---

⁴ Имеются в виду Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств.

– В вечерние часы, перед сном, – посоветовал парторг полка. – Я сам приду к Вам на Вашу первую беседу.

И вот она состоялась, моя первая такая беседа. Называлась она «*На берегу пустынных волн...*». И представьте себе, слушали меня коренные ленинградцы внимательно, хотя, конечно, сам предмет в самых общих чертах им был знаком с младших школьных классов.

Начал я с мысленной прогулки к «Медному всаднику». Подразумевалось, что «*Петру Первому Екатерина Вторая*» поставила этот монумент там, где «*на берегу пустынных волн стоял он дым великих полн и вдаль глядел...*».

Бытует легенда, будто Петербург действительно возник на пустом месте. Дело обстояло иначе. «*Берега пустынных волн*» – это скорее поэтический образ, гипербола, нежели определение исторического положения нашего приневского края.

Что же могло предстать взору Петра Первого на этом месте? На берегах Невы отнюдь не «*чернели избы здесь и там – приют убогого чухонца*». Здесь в ту пору насчитывалось до *пятидесяти* поселений! Недаром местные жители так говаривали: «Велик наш край приневский, больно велик! Почитай, деревня на деревне стоит, погост на погосте...».

Стало быть, земли эти наши, кровные, древнерусские. Петр Первый отвоёвывал у шведов наше же достояние, утраченное недалёкими коронованными предшественниками. И мы, русские, а вместе с нами и все советские бойцы, представители других национальностей нашей Родины, должны отстаивать *наши исконные владения*, должны это понимать, верить в это, как бы ни изощрялась гитлеровская пропаганда, утверждавшая, что этот край должен быть возвращен европейским владельцам. Да, такая линия в пропаганде немецких фашистов прослеживалась вплоть до самого конца войны. Для читателей молодых это, возможно, *новый аспект* в восприятии истории Великой Отечественной войны. Что ж, как ровесник века, как фронтовик Второй мировой войны могу со всей ответственностью сказать, что нас всех ждёт ещё немало больших и малых открытий не только в истории далекого прошлого, но и в истории совсем, казалось бы, недавней.

Ну, об этом я говорю, выступая сейчас, в 70-е годы, а тогда, в первый военный год, я старался рассказать моим слушателям, среди которых были и коренные ленинградцы, и жители иных городов и весей, и образованные, начитанные люди, и те, кто, к сожалению, довольствовался весьма скромными, конспективными и упрощёнными сведениями по истории Земли Русской. Впрочем, я их вовсе не упрекал – в конце концов, это просто чудо, что мне посчастливилось быть учеником профессора Столпянского. У меня сбереглись конспекты его лекций и бесед с нами, слушателями курсов, и я при подготовке своих бесед с бойцами и командирами широко использовал богатейший фактический материал. Но не только фактический материал! Столпянский *сумел передать нам ВДОХНОВЕНИЕ*, за минувшее десятилетие оно не угастро, а вспыхнуло с новой силой.

Начинал я порою так. Ну уж ленинградцы-то Пулковое и Дудергоф непременно знают, а Пулковое теперь знают и те, кто в Ленинграде не жил никогда: ведь здесь передний край обороны города на юге. А вот то, что «*Пулк*» и «*Дудору*» древний летописец помещал почти у самого берега залива, когда Нева была ещё не рекой, а озером-протоком, названной *Нево*, мало кто знает наверняка! И дальше продолжал примерно в таком русле.

...Корелия, или Карелия, Ингерманландия, или Ижорская земля, были старинными владениями новгородцев. Предприимчивые, деятельные новгородцы вели большую торговлю со своими иностранными соседями. Из Невы они смело выходили на своих судах в Балтийское и Северное моря и даже в Атлантический океан. У выхода в море, в Невской дельте, они ставили крепости-склады.

Вся большая область по обоим берегам Невы принадлежала Новгороду и называлась *Водская пятина*. В её составе было пять городов с округами (или присудами): Ладога, или Альдейгобург, Орешек, или Шлиссельбург, Корела, или Кексгольм, Копорье и Ям (ныне Кингисепп).

Нева была жизненным нервом края. Это был путь, связывающий всю Русь с морем, ключ исторического пути «из варяг в греки». Жадные соседи с севера хотели отнять этот ключ. Бои за Неву происходили ещё в 850 году! Шведы бились за обладание Невой ещё в 1140 году и в 1242 году!.. Вот тогда-то воины-новгородцы, ведомые Александром Невским, наголову разбили здесь полчища ярла Биргера. Зря сунулся сюда король Эрик!

Позднее, когда Новгород Великий ослабел было от внутренних неурядиц, шведам удалось оторвать часть лакомой Водской пятины. Русский город Орешек у Ладоги они превратили в крепость Нотебург, чтобы не пускать новгородцев в невские воды. В устье реки Охты (как раз напротив Лавры) поставили сильную крепость Ландскрону, что означает «*Венец земли*». Строили её итальянские мастера фортификационного искусства.

В 1300 году войско князя Андрея штурмовало Венец и выбило эту «пробку» из горла Невы, закупоривавшую путь «из варяг в греки». На месте было вражеской твердыни осталась тут рыбачья деревушка Усть-Охта. И снова весь край на два десятилетия вернулся в хозяйские руки Новгорода. В посадах Спасском и Городинском жили и трудились русские люди: Вергунины, Гаврилины, Звягины, Мишкины, Омельяновы и другие. *Имена-то какие! Русские, исконные!* Их сохранили для нас налоговые записи Водской пятины.

Когда я об этом рассказывал моим слушателям, то, сделав паузу, предложил поднять руки тех, *кто и сейчас носит эти фамилии!* Вот такой чисто драматургический приём пришёл мне в голову! Вергуниных не нашлось, Мишкиных – тоже, а что касается *Гаврилиных* и *Звягиных* и тем более *Емельяновых*, то чуть ли не в каждом батальоне, не то что в полку они встречались! Казалось бы, что особенного! Ну, оказались однофамильцами несколько бойцов, но ведь дело-то в том, что они оказались однофамильцами не только друг другу, но и *предкам своим*, кореным жителям наших краёв приневских. И такое совпадение переставало быть случайным. Оно действовало вернее многих и многих *общих* пропагандистских слов.

Иногда я прерывал исторический, точнее военно-исторический (так будет вернее!) рассказ каким-нибудь конкретным примером по топонимике. Ну, скажем, таким. Все вы, конечно, знаете, что в Ленинграде есть Васильевский остров. А вот откуда *есть пошло*, как говаривал древний летописец, название острова? А было на этом острове усадище новгородского посадника *Василия Селезня*, отсюда и название – остров Василия, Васильевский остров. А ведь что ни говори, школьные, а ещё прежде гимназические представления порою становились стереотипами, с которыми человек не расставался и в старости. До Петра, мол, почти пустая земля была!

Пал Новгород в 1487 году, покорённый московским царём Иваном Третьим, собирателем Земли Русской. Но его внук Иван Грозный потерял Приневье в 1583 году. Но вновь Нева ненадолго вернулась к Москве. Воспользовавшись «смутным временем», шведы опять завладели Усть-Охтой. На её месте была отстроена крепость Ниеншанц, или Канны, как называли крепость русские люди. Казалось, что новая крепость стала непреодолимой преградой на пути к взморью: любой корабль попадал под огонь шведской артиллерии. Под прикрытием бойниц и валов крепости притаился Ниен – город-богач. В устье Невы было много складов, пакхаузов, амбаров, мельниц, верфей. Ниен торговал с Европой зерном, мукой, пушшиной, пенькой и прочими *русскими* товарами. В городе было около четырехсот домов – деревянных, с садиками, а в центре возвышались и каменные строения: лютеранская церковь, дом шведского коменданта и корпуса военного госпиталя... Теперь на этом месте высятся жилмассивы Малой Охты.

В 1618 году дед Петра Первого Михаил Романов заключил со шведами тяжёлый для России «Столбовой мир», и шведы снова почти на целое столетие закрепили за собою Водскую пятину.

Шведский король Густав Адольф посмеивался над Романовыми: дескать, недооценивают русские такое сокровище, как Нева. «Отсюда, – писал он, – Москва могла бы покрыть своими кораблями Балтийское море и подвергать шведское королевство постоянной опасности...».

Густав Адольф ошибался: москвичи хорошо помнили о необходимости выхода к морю, очень нуждались в Неве и лишь выжидали удобного момента для нападения. Пётр Первый сумел выбрать подходящее время для реванша: в августе 1700 года он заключил мир с турками и сразу же объявил войну шведам. Первая встреча с искусными войсками Карла XII под Нарвой была для Петра неудачливой, но поучительной. Уже через год Борис Шереметов побил шведское войско под Эрестфером и Гумельс-гофом. Пётр Апраксин отвлек армию Крангиорта в Лифляндию, а Шереметев внезапно блокировал Орешек. Под стены Нотебурга прискакал и сам бомбардир-капитан Пётр Михайлов. Это, как вы знаете, псевдоним царя. У Петра-полководца быстро прорезались крепкие зубы. Твёрдый орешек он разгрыз так ловко и быстро, что шведы и ахнуть не успели. Случилось невероятное! Крепость, защищённая с трёх сторон водой, попала в кольцо... сухопутных войск! Оказывается, пехотинцы принесли на своих плечах лодки и выплыли в Неву из Ладоги. Взволновался многолюдный приневский край – *наши пришли, свои!*

Шведы были поставлены в тупик. Грозный комендант Ниеншанца Иоганн Опалёв (между прочим, выходец из России), искренно созвал военный совет. Дело происходило на Первушинной мызе, в поместье майора Конау. Сюда (тут я делал многозначительную паузу!) на островок у теперешнего Летнего сада, собрались самые влиятельные люди округа. Советник Фризиус, первый богач Ниена, снабжавший займами самого короля Карла, боялся, что сокровища города-богача достанутся царю московитов:

– Русские взяли Нотебург. Крангиорт далеко. Скоро царь Питер будет здесь...

И было решено: эвакуировать всё население в Кексгольм, а город Ниен сжечь!

Петру Первому так и не привелось увидеть своими глазами этот город, но мы можем себе представить по описаниям давних лет, как выглядело в те дни устье реки Охты.

Трое суток пылала строения Ниена. Зарево предвещало близкий конец шведскому владычеству в приневском крае. Петр Первый увидел от Ниена одни головешки. По преданию, он воскликнул:

– *Ох, та сторона!*

Не отсюда ли пошло русское наименование речки и предместья: *Охта*?!

... А войска Петра Первого продвигались неотвратимо.

За Ниеном начинались предместья генерала Крангиорта. На левый берег Невы вёл Спасский переезд, перевоз или паром. Он приставал как раз напротив Смольного! А на месте Смольного располагалась Смольная деревня. Жители её занимались смолокурением. В этих судходных краях потреблялось много смолы. Дальше, по направлению к нынешнему Суворовскому проспекту, тянулось старинное русское село Спасское, или Спассовщина, с каменной православной церковью. На месте Таврического дворца стояла Севрина деревня. Ближе к Литейному мосту находились деревни Фроловщина и Палениха. На Старо-Невском проспекте в районе Лавры была деревня *Вихтулу*. Пётр сразу же переименовал её по созвучию в *Викторию*, в честь двух побед – своей под Ниеншанцем и Александра Невского – над рыцарями Биргера. По пути к нынешнему центру города находилась деревня Манола. У Фонтанки расположились две деревни – Кандуя и Враловщина. У Невы, там, где теперь Кировский мост, – Первушина деревня, отошедшая в своё время к помещику Конау. Между своей мызой и деревней майор разбил парк. Теперь это – Летний сад. Не на пустом месте и он вырос.

Фонтанку тогда звали «Крутой берег». По её берегам через Невский проспект шла тропа к другой деревне – Усадищу, или *Каллине*, что подле *Калинкина моста*. Не трудно догадаться, откуда пошло его название!

За Обводным каналом значилась деревня Ремана. Ближе к Нарвским воротам – Винола. У Волкова кладбища – Гольстингс. Русские переименовали её по-своему, в Алтынец. Точно так же и на Петроградской стороне они переименовали по созвучию речку *Куртиоки* в *Карповку*.

За Алтынцем существовала деревня Сиала, а дальше – деревушки Антала и Куораласси. Немало мелких селений было разбросано среди лесов по берегам рек Кемеоки, или Фонтанки, Глухого протока, или канала Грибоедова, Мьи, или Мойки.

Довольно людно было и на Выборгской стороне. Ближе к Финляндскому вокзалу обнаруживались две деревни – Анока и Адицова. За улицей Комсомола находился артиллерийский парк шведов – примерно у кинотеатра «Гигант». Возле реки Невки были деревни Кискна и Вихари. Вдали виднелась деревенька Торка, а поодаль – деревня Питтукс. По направлению к проспекту Маркса – Эйкие и Макуря. Вообще-то именно вдоль Выборгской дороги преобладали финские деревни.

На Петроградской же стороне было больше русских деревень, скажем, *мыза Берёзовая*. Да и весь остров назывался *Берёзовым*. Потом его стали называть островом *Городским*. Ведь именно здесь началось строительство города Санкт-Петербурга. Но тогда Берёзовую мызу окружали распаханые поля. Нивы тянулись до нынешней улицы Куйбышева. А через густой и болотистый лес можно было пробраться к островку Иенисаари, или Люст Еланту, а точнее говоря, – к *Зячьему*. Там проживали русские рыбаки. Они и не подозревали тогда, что их небольшой островок, приют для зайцев во время наводнений, станет первоосновой великого города – Петропавловской крепостью.

А Васильевский остров ко времени прибытия Петра Первого сильно одичал под властью шведской. Здесь развелись лоси, посему остров стал называться Лосий, или Лосиный, или по-фински – Хирви Саари.

В описях Водской пятины 1500 года упоминались ещё и такие поселения у берегов Невы, как Ахкуево, Корабельница, Кулза, Минкино и другие, месторасположения которых установить пока не удалось. Называлась даже целая Тимофеевская волость, а всего – около *пятидесяти* деревень!

Наиболее густое население было на *Песках*. Там места сухие, наводнения до них не доходили. Как видно, в древности Пески служили берегом... Балтийскому морю!

Если названия «*Васильевский остров*», «*Петроградская сторона*», «*Фонтанка*», «*Летний сад*» у всех, даже неленинградцев, что называется, «на слуху», то название «*Пески*» встретило вопросы. А ведь это там, где ныне Суворовский проспект и Советские улицы.

...Такмы и «путешествовали» – и по городу, и в глубь времен. Порою я делал экскурсии в область истории архитектуры, останавливался на том, как в довоенные годы вместе с кинорежиссерами М. Клигман и В. Николаи в качестве киносценариста работал над фильмами «*Художественный облик Ленинграда*» и «*Архитектура Ленинграда*». Рассказывал и о своих художественных фильмах – «Отец и сын» о сталеварах Колобовых и, конечно, о фильме «Певец из Лилля» о замечательном французском шансонье Пьере Дегейтере, авторе музыки гимна «Интернационал». Фильм уже начал создаваться, многие эпизоды были сняты... Пьера Дегейтера играл любимый мною артист Владимир Чесноков, а ставил тоже любимый мною кинорежиссер Владимир Петров, которого знали почти все мои слушатели как постановщика фильма «Петр Первый». Бойцы спрашивали меня о встречах с Петровым, о том, как снимался фильм о Петре. Если на первый вопрос я мог ответить, то на второй – лишь со слов самого Петрова: во время наших с ним бесед он не раз ссылался на опыт постановки киноленты большой, масштабной, зрелищной, исторической. Ведь нам тоже предстояло создавать именно такую картину, хотя и односерийную. Увы! В ту пору я ещё не знал, что негативная пленка погибнет в огне блокадных пожаров и весь режиссерский труд, труд всего съёмочного коллектива канет в небытие. Останутся только текст киносценария и подготовительные к нему материалы.

Обращение к моему киносценарному опыту было в наших военно-патриотических беседах вполне уместным: зрительская память моих слушателей как бы иллюстрировала мои устные рассказы. К тому же, я не встретил *ни одного человека*, который был бы равнодушен к киноискусству. Неначитанных, малочитавших встречалось несравнимо больше, но какой-то

опыт кинозрительский (и весьма немалый!) был практически у каждого. Конечно, обстановка на фронтах не благоприятствовала думам о теории литературы и теории киноискусства в их сопоставимости, но некоторые намётки и наблюдения, весьма пригодившиеся мне в скором времени, я сделал уже тогда.

Что же касается итогов первых моих бесед с ополченцами, то две реплики я воспринял как высшую похвалу.

– Ну, чужеземцы чёртовы! Не суйтесь лучше! Была эта земля нашей и будет нашей вовек! – сказал в сердцах один из моих слушателей. А другой, по всему видно – коренной ленинградец, только руками развел:

– Спасибо Вам за рассказы Ваши, товарищ лектор! Жили здесь, родились в Питере, а ни о чём подобном даже и не слыхивали! Я, к примеру, около кинотеатра «Гигант» и живу, и работаю – с Выборгской я стороны. Пусть помру здесь у стен Ленинграда, но не дам допустить, чтобы у немцев артиллерийский парк, как у шведов этих, допетровских, был на месте нашего кинотеатра «Гигант». Там зал большой. Мы на его экране ещё фильмы о нашей Победе увидим.

Парторг полка слушал тоже очень внимательно, заинтересованно, с изумлением даже, а потом отвёл меня в сторонку и говорит:

– Конечно, материал Вы знаете здорово – и всё по памяти! Даже в конспект ни разу не заглянули. Я прямо поразился! Одних названий-то сколько, и дат, и фамилий, и события одно за другим следуют, но вот что меня смущает – о политике мало... О Сталине ни слова не сказали. Как же так? Учтите на будущее.

Ну, напрямую я ему не подчинился и в то же время на рожон лезть не стал. И так примерно ответил:

– Спасибо за то, что внимательно слушали меня, а самое главное – не просто слушали, а с интересом! Это для меня и есть высшая оценка. Разумеется, перед беседой я свои конспекты перечёл, кое-что освежил в памяти. Я же не профессиональный историк или историк архитектуры. Я прежде всего литератор, кинодраматург, очеркист. Вот с этих позиций я к материалу и подошёл. Что же касается политики, то есть такие слова Ленина – о том, что поменьше надо политической трескотни. Ну, произнесу я минут пять некую передовицу газетную. Послушают из вежливости – и всё! А здесь очень далеко народная память ушла, к самым своим истокам. Да, общепатриотический акцент сильнее оказался в этой беседе. Во второй беседе классово-политический акцент будет сильнее. Но и материал там несколько иной.

Вижу, что такой ответ моего рецензента удовлетворил.

Вторую свою беседу я решил назвать так: *«Город русской военной славы»*. Начал я с образа самой Невы, которая в осеннюю пору становится тёмно-серебристой, как латы витязя. Героическая река, река-герой, река-воин. Особенно она величественна у стен Петропавловской крепости. Отсюда начинается наше второе «путешествие». Я говорю своим слушателям о том, что наш город представляется мне каменной и бронзовой летописью героики нашего народа. Ленинградские музеи хранят реликвии победного прошлого. Они говорят о непреходящей силе нашей, способной оградить *«полночных стран красу и диво»* от любых посягательств чужеземных захватчиков. И я начинаю сказ о Петропавловской крепости, о соборе Петра и Павла, где нашёл своё вечное упокоение основатель града на Неве, о его славном ботике, для которого был специально построен дом рядом с собором. Потом мы мысленно переходим на Берёзовый остров в первый дом Петра, переносимся через Неву в его первый дворец, отправляемся сперва в Кронштадт, а затем в Выборг, и я обращаю внимание слушателей на то, что на памятниках Петру Первому в Выборге и Кронштадте надписи говорят об одном: **«ОБОРОНА СЕГО МЕСТА – НАИГЛАВНЕЙШЕЕ ДЕЛО»**. С кинематографической скоростью переносимся опять в град на Неве, на сей раз в Военно-Морской музей на стрелке Васильевского острова, и перед нашими глазами оживают жанровые сценки быта новой морской твердыни начала XVIII века. Все вместе мы словно присутствуем на праздновании победы

России в Северной войне, видим необыкновенно пышный фейерверк, слышим ликующие возгласы: *«Жива Россия! Так мечталось нам, возликуем и мы!»*

Нет необходимости говорить, какой отзвук в сердцах моих слушателей рождали эти воскресающие картины славной старины, особенно – картины празднования побед. При этом я неоднократно подчеркивал, что все петровские победы дались очень большой ценой, что путь к ним был долог и мучителен. А мы в большую войну только вступали. Не встречал я за все блокадные дни ни одного «пророка», которые бы отважился назвать, *сколько лет* продлится Великая Отечественная война и когда она завершится. Разве что в одном почему-то многие сходились в своих прогнозах – *весной* будет Победа! И тут дело, конечно, не в пророчествах. Весна – это всегда чудо, всегда обновление жизни, всегда надежды на счастье.

Вспоминал я в наших беседах и Семилетнюю войну с немцами в середине XVIII века. И тогда русские полки вошли в Берлин! В Берлин! В Эрмитаже хранятся знамёна, захваченные тогда у немцев. А самые замечательные трофеи – треуголка короля Фридриха, потерянная им в бегстве с поля боя, и куций его мундир, брошенный им в панике и растоптанный русским сапогом. Я рассказал о картинах художника Коцебу, посвященных разгрому немецких войск при Кунерсдорфе и Гроссельфельде, процитировал фразу из письма Фридриха, написанного им сразу же после Егерсдорфского боя: *«Всё погибло навсегда»*, а после неё – строку из оды Ломоносова: *«Где пышный дух твой, Фредерик!»*

Да, мы были в Берлине – и при Фридрихе, и при Наполеоне, а вот *в Ленинграде никто из врагов не побывал!* Недаром Фридрих Энгельс, большой знаток истории военного искусства и военного дела, писал о русских солдатах: *«Русские солдаты являются первыми из самых храбрых в Европе!»* Будет, будет и теперь бывалое – мы пройдем по улицам поверженного Берлина.

Ополченцы – люди в основном сугубо штатские и по биографиям, и по характерам. А бои предстоят нам смертельные, жесточайшие, кровавые. Трудно русский национальный характер переломить к жестокости, а ведь война заставит нас это сделать! Иначе нам не спастись и смертного врага не победить. Да, война – это адский, постоянный труд. То, что она – не парады и не смотры, теперь, после 22 июня 1941 года, доказывать не надо. Но то, что *война – это прежде всего убийство врага*, нашими людьми воспринимается с трудом. Среди ополченцев – музыканты двух симфонических оркестров из театров Ленинграда, инженеры из конструкторских бюро с Выборгской стороны, рабочие высокой квалификации. Многих из них возвратят на обычные и привычные для них рабочие места, а те, кто останется, должны, просто *обязаны* свыкнуться с мыслью, что *только в уничтожении врага – наше спасение*. И нынешняя война по степени жестокости превзойдет все минувшие войны. И по числу жертв – тоже. В этом я убедился зимой 1939 года во время Финской кампании. Сейчас мы столкнемся с силой ещё более жестокой и коварной. И я рассказываю моим слушателям о том, как поменялась форма у апшеронского гвардейского полка в ходе Семилетней войны. В монографии знатока военного обмундирования Висковатова говорилось, что апшеронцы носили белые гамашы. Почему же у них появились красные отвороты на ботфортах? Оказывается, красная кайма появилась после разгрома немцев при Кунесдорфе в 1759 году – русские солдаты *до колен* были забрызганы вражьей кровью! Это и отразилось в дальнейшем на форме полка. Да, на войне, как на войне! *Это труд на ниве смерти*.

Чтобы несколько скрасить сей не очень-то безмятежный (скажем так!) пример, я тут же перешёл к серебряным трубам оркестра давнего Павловского полка. Они увиты были георгиевскими лентами, присвоенными гвардейцам за взятие Берлина в XVIII веке. Пример с трубами пришёлся кстати и особенно увлёк наших музыкантов.

И вот в ходе нашей беседы возник (не мог не возникнуть!) вопрос, подспудно мучавший каждого начинающего воина – *а сохранила ли история имена рядовых бойцов*, не стал ли абсолютно безымянным их труд, их подвиг, не канули ли в Лету их судьбы, имена и деяния?..

Да, решающей всегда была роль рядового воина. И вот он перед нами. В Эрмитаже выставлен портрет русского солдата-победителя Бухвостова. Имя и отчество не указано. Служил он бомбардиром в артиллерии, потом строил корабли. Его портрет расположен в музее по соседству с изображениями полководцев Бориса Петровича Шереметева и Василия Владимировича Долгорукова. Это они вели наши войска от Белого моря до Онежского озера – по неизведанным путям, по глухим лесам и болотам. Это они совершили чудо, внезапно захватив Шлиссельбург!

Шлиссельбург пришлось брать ещё раз, чтобы назвать его *Петрокрепостъ*, – в январе 1943 года, и мне посчастливилось как фронтовому киносценаристу пережить эти волнующие дни, чтобы запечатлеть эти выдающиеся события на пленке. Глубоко символично, что операция по прорыву блокады Ленинграда проходила в тех же местах, где воины петровские прорывали блокаду всей России – за выход к морю!

Вообще, в нашем городе очень тесно взаимосвязаны между собою большие и малые, известные и малоизвестные страницы истории нашего Отечества. Вот, скажем, многие мои слушатели видели на Выборгской стороне Сампсониевский собор. А ведь его возведение теснейшим образом связано с Полтавской викторией: именно в день «святого» Сампсония, 27 июня 1709 года, под Полтавой были разбиты рати Карла XII! Вот что позволило *«ногою твердой стать при море»* Балтийском – победа на украинском поле!

Начало же разгрома шведов было положено в морских баталиях. Помню изображение первого такого боя, взятие крупных шведских кораблей «Астрила» и «Гедана» русскими пехотинцами, наступавшими на огромные по тем временам корабли в... обыкновенных лодках! В честь этой победы была выбита медаль с надписью «НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ».

Много *небывалого, ставшим бывалым* прямо у меня на глазах, будет в блокадные дни и потом, в дни битвы за Берлин. Будут и необыкновенные военные хитрости, и чудеса смекалки, и самые обыкновенные лодки выйдут под неукротимым, казалось, огнём противника в кипящую от раскалённого металла воду сперва Невы, потом Днепра, потом Одера...

Ополченцы перестанут быть ополченцами – станут просто бойцами и командирами Красной Армии, и многие из них внесут свой яркий вклад в нашу общую большую Победу.

...Я говорил тогда и незаметно поглядывал на часы – знал, что вот-вот прозвучит сигнал тревоги. Оставались минуты, и я решил посвятить их более близким по времени событиям и именам.

Прежде всего напомнил о том, что знаменитый Мраморный дворец – это не просто подарок Екатерины II графу Орлову-Чесменскому. Это дворец-памятник, воздвигнутый в знак наших побед в турецких войнах. В какой-то степени это можно сказать и о Таврическом дворце, палатах Потёмкина, прозванного Таврическим.

Я ещё не знал доподлинного нашего маршрута на фронт, но примерно представлял себе его и старался построить свой рассказ так, чтобы пеший переход как бы стал зримым продолжением наших бесед. Явно мы пойдём через Кировский мост, к Марсову полю, мимо памятника Суворову. С Кировского моста мы увидим дом, откуда Кутузов отправлялся на фронт, – по левую руку, а по правую – Эрмитаж с его Галереей 1812 года. И я цитирую бойцам-ополченцам пушкинские слова:

Толпою тесною сюда художник поместил
начальников народных наших сил,
покрытых славою чудесного похода
и вечной памятью Двенадцатого года.

Среди картин художника Дау мне было особенно отрадно выделить портрет Бибикова, начальника *Петербургского народного ополчения*... И вот – опять Отечественная война, *опять народное ополчение!*

... Надо ещё успеть хотя бы несколько слов сказать о Марсовом поле, о здании бывших Павловских казарм на нём... Весь город – мемориал русской военной славы! Куда только ни взгляни – всюду её следы, запечатлённые зодчими и скульпторами, и незримо среди этих шедевров – шедевры русской словесности. Они живы у нас на устах.

Но – наконец звучит сигнал боевой тревоги. Мы уходим на фронт. Эти мгновения живы во мне и по сей день – они трагичны, но они и *вдохновенны*. И я теперь спустя многие годы горжусь тем, что немецкие захватчики были впервые на нашей земле остановлены именно у стен Ленинграда, что я находился в рядах ополченцев на самых близких подступах к городу Ленина, у знаменитых Пулковских высот, ставших для меня южными границами Отечества.

Н.А. Сотников. Второе предисловие к одним и тем же дням

Перечитал я своё «Вступление» к книге «Были пламенных лет»⁵ и огорчился – нет, не так надо представлять современному читателю мои блокадные были! А всё – инициатива издательства ДОСААФ: мы, мол, издательство не литературно-художественное, не писательское, нам надо побольше цифр, фактов, фамилий... Да к тому же потребовали от меня как автора непрерывной «привязки» к чисто досаафовской тематике! Чего я только ни придумывал, чтобы выполнить это не договорное, конечно, но весьма красноречивое пожелание: и книги специальные читал, и параллели искал определенные, и редкую фактуру в беседах и музеях добывал... Получилось в итоге довольно сносно, но вот особой художественной радости не было!

Одна отрада – пошла моя рукопись в производство, да ещё слишком быстрыми темпами, что порою тоже не совсем на пользу книге. А пока я в Доме творчества в Малеевке ожидаю раннюю весну и пишу это второе предисловие.

Не сомневаюсь, что найдётся не один историк, который придерётся к тем или иным цифрам. Даже самая трагичная цифра (число погибших в блокаду мирных жителей) всё время менялась у нас, ленинградцев, на глазах – то в сторону понижения, то ныне – в сторону повышения. *Я лично как участник обороны Ленинграда склонен больше верить в максимальную цифру жертв* – и не потому, что я – носитель какой-то особой, абсолютно достоверной информации, а по праву, которое мне даёт звание блокадника, защитника города, одинаково знавшего и передовой край обороны, и быт горожан, и среду военную, и среду сугубо гражданскую, а в военной среде – и ополченцев-добровольцев, и кадровых военных, профессионалов до мозга костей.

К тому же обстоятельства моей военной биографии, особенности моей работы военного корреспондента и фронтового кинодокументалиста позволяли мне видеть блокадные картины, выражаясь кинематографическим языком, «с движения»; «в резкости»; и крупным планом; и панорамой. А это очень важные детали!

Постоянно беседуя с другими участниками войны; даже офицерами и даже старшими офицерами; не говоря уже о солдатах; я не раз убеждался в том; что при всем разнообразии судеб и при всей пестроты впечатлений *видели они не так-то уж много. Не так-то уж много видел* и обычный житель блокадного города. В этом я убедился и беседуя с ленинградцами-блокадниками; и изучая документальные книги и периодику. Конечно; на войне шире и дольше всех видит тот; к кому стекается максимальная информация; но это информация

---

⁵ Николай Афанасьевич Сотников писал эти тексты, будучи уже тяжело больным. Он скончался, приехав в Москву из Малеевки 2 июня 1978 года, и выхода в свет своей книги «Были пламенных лет» не дождался. Зато редактор сборника повёл себя слишком по-хозяйски и вовсе не уведомил автора о сокращениях, перестановках и даже значительных изменениях текстов. Во всяком случае, автору вёрстка на вычитку не давалась.

сугубо военно-оперативная; разведывательная; штабная; специальная отраслевая (по службам обеспечения; по родам войск и т. д.); а к писателю стекается *информация другого рода* – художественно-публицистическая; эмоционально-образная. И вот здесь МЫ; литераторы; пальму своего первенства никому не отдадим! Наверняка; газетчики из отделов боевой подготовки и информации были нас; спецкоров; очеркистов; сотрудников отделов культуры или литературы и искусства; осведомлённое; но зато мы имели возможность и остановиться; и оглянуться; и всмотреться; и дать своему герою выговориться; а не ограничиться коротким рапортом или боевым донесением.

Меня как фронтовика; как военкора больше всего потрясли в очерках Александра Кривицкого два запоздалых удивления-признания: ОН; человек очень осведомленный и прекрасно подготовленный в профессионально-военном отношении; спустя годы сам удивлялся; возвращаясь к тем или иным боям; памятным событиям; встречам; как многого он не знал, как тщательно военная цензура процеживала фактуру в военной прессе; так тщательно; что порою автор и особых сокращений в своем очерке или статье; или корреспонденции не замечал; и в то же время не мог потом припомнить; а о каком же участке фронта он тогда писал. И второе – самый маленький штаб; самая скромная и незаметная часть, оказывается; даже после весьма скромных боёв и небольших передвижений оставляли после себя для архивов такое обилие документов; что они в подавляющем большинстве своём и по сей день *неосвоенными остались!*

Александр Юрьевич сам выходец из военной семьи, ещё до войны работал в «Красной звезде»; начитанностью своей в военных вопросах уже тогда коллег по перу поражал; и ему нельзя не верить в этих обобщениях.

Это – документы; фактура; а память людская; память писательская! Разве она полностью освоена; разве она максимально полно с отдачей работает на современность да и на будущее! Нет! К величайшему несчастью; нет! Очень многое под спудом лежит. Кто не хочет поднимать пласты былого; кто не хочет ворошить минувшего; кто раны свои тревожить боится... У каждого свои причины.

А почему я *так поздно* взялся за свои блокадные были? Если меня спросят; я так скажу. После войны с жадностью набросился я в кинематографе и в литературе на мирную тематику соскучился по ней! Военным писателем, баталистом тем более я не был. Военные познания имел очень скромные. Больше всего на свете любил литературу искусство, архитектуру, природу. Посему и мечтал увлечь предметами своей любви и будущих читателей, и зрителей. Особенно мне казались заманчивыми видовые киноочерки. Телевидения массового в послевоенные годы не было, да и сейчас даже сравнительно большой цветной телеэкран не в силах передать того, чем властен киноэкран в большом зале!

Да, всё это так, но была, конечно, и ещё одна причина. Горе военное было так велико, что хотелось его *остудить*. И тут я не оригинален. Так или примерно так со мною говорили на эту волнующую тему многие мои товарищи по перу.

А вот потом, спустя годы, я стал понемногу возвращаться к блокадным дням, но *не через трагическое, а через прекрасное*. Поясню свою мысль. Ещё с довоенных времен я увлекался историей культуры, в том числе и культуры материальной, особенно любил и сейчас люблю архитектуру, эту «музыку в камне». Историю архитектуры нам, слушателям Высших курсов искусствоведения при Институте истории искусств в Ленинграде превосходно преподавал профессор Петр Николаевич Столпянский. Ему я во многом и обязан своими и интересами, и познаниями. Его уроки пригодились мне и в работе над сценариями документальных и научно-популярных фильмов, и в блокадные годы для занятий с бойцами и командирами, и для журналистских заданий, и для моих послевоенных экскурсий, которые я проводил со своими учениками – слушателями драматургических семинаров...

Наверное, с этих поездок всё и началось! Как сейчас вспоминаю лето 1964 года, семинар драматургов-одноактовиков в Комарово, наши автобусные поездки в Ленинград и его зна-

менитые пригороды. На автобусы у меня, как у руководителя семинаров, средства были, а на оплату экскурсоводов – нет, и я вышел из положения тем, что по ходу движения давал свои комментарии, а потом, увлѣкшись, сел на кресло экскурсовода, взял микрофон и начал импровизировать. Так, пожалуй, и была «написана» глава «*Оконные тетради*», потом – «*Вдохновение*». Их первоначальные варианты напечатали соответственно журналы «Урал» и «Север». Было это в 1966 году, а двумя годами раньше, к двадцатилетию окончательного снятия блокады Ленинграда для «Литературной России» я написал два маленьких очерка – «*В пальмовом раю*» и «*Весенний сад*» о ленинградских ботаниках, об их подвиге в годы блокады. Заключительный очерк – тогда ещё под названием «*На рассвете*» – был напечатан в журнале «Волга», а написал его я как ответ на писательскую анкету к двадцатипятилетию Победы. В анкете было два вопроса: «*Где Вы встретили 22 июня 1941 года?*» и «*Как и где отпраздновали 9 мая 1945 года?*» На первый вопрос я уже отвечал в очерке «Вдохновение», а второй вопрос воскресил в моей памяти германские, берлинские впечатления.

Но и это ещё не всё. Да, появились наброски, более-менее завершённые очерки, но ещё не главы, ещё не слагаемые монолитной книги. К тому же я вплотную занялся театральной драматургией и ушёл с головой в историческую тематику.

И вот однажды, в марте 1968 года, произошла встреча, сыгравшая главную роль в судьбе этой книжки, книжки, которую вы сейчас начали читать.

Позвонил мне по телефону мой давний довоенный ленинградский знакомый, в своё время – мой ученик в литературном кружке при заводе «Красный гвоздильщик». Меня туда известный ленинградский энтузиаст работы с молодыми авторами поэт Алексей Крайский сагитировал, а профком разрешил со временем привлекать к учёбе не только работников этого завода, но и других предприятий. Так я и познакомился с Мишей. Теперь он давно не Миша, а почтенный деятель системы Госкомиздата СССР, крупный чин, но уже в отставке, на пенсии. Живительное дело – мои ученики уже пенсионеры! Даже не верится... И вот у этого Миши – молодая жена, болгарская поэтесса, выпускница Литературного института имени Горького. Живут они в Москве, но часто бывают в Софии, она хорошо говорит по-русски, но пишет только на родном языке. Побывали они как-то вместе в Ленинграде, Миша ей о своей юности рассказал, о том, как мы с ним познакомились, как я его «увёл» в журналистику от станка, а потом разговор слово за слово неминуемо перешёл на блокаду, не мог на эту тему не перейти... Жена Миши в годы войны ребёнком была, мало что помнит, а он воевал на других фронтах. Так что рассказывал с чужих слов. А поэтессе страстно захотелось *узнать правду из первых рук*, тем более что она задумала цикл стихов о подвиге Ленинграда. Интересно и неожиданно – молодая болгарская поэтесса пытается постигнуть «*блокадную суть*», как сказал один поэт. И вот Миша просит меня (мы с ним до этого редко и всё мельком встречались) уделить им с женой внимание и рассказать о блокадных былях.

Это не инструктаж и не литературная консультация. Сперва разговор идёт вообще о литературе, о её новостях и новинках, потом вообще о Ленинграде и лишь потом, постепенно мы начинаем возвращать блокадные времена...

Многое, очень многое можно *начитать*. Я всегда говорил своим ученикам: «Начитайте как можно больше, но с выбором, конечно, со строгим личностным отношением к каждому слову, а потом, прежде чем начать писать самим, *всё забудьте!* Парадокс? Да! Но психологически очень важный – если всё помнить в момент написания, то *своё слово* сказано не будет!» Эту фразу я повторил моей болгарской гостье. Она буквально засыпала меня вопросами. На некоторые из них отвечал так: «Об этом хорошо сказано в такой-то книге. Прочтите сами!» Как вы видите, я решил остановиться на том, о чем нигде так не прочтешь, ибо это – *память сердца*.⁶

---

⁶ Именно так я решил назвать свой цикл радиопередач о военной теме в поэзии, прозе и публицистике. Всего прошло

На вопрос о самом трагичном воспоминании я ответил неожиданным для себя устным рассказом. Я впервые осмелился об этом не только сказать вслух, но и вспомнить – слишком страшны эти блокадные страницы!

Мне, фронтовику, часто приходилось бывать в городе, и это были хождения по мукам. В дни жесточайшей зимы 1941–1942 годов я жил в землянке возле Пулковских высот. За этой полоской ничейной земли начиналась, как хвастливо орала фашистская пропаганда, «великая Германия». Впрочем, эта «великая Германия» дальше не пошла и на этом же месте стала укорачиваться, как шагреновая кожа. В Берлине в мае 1945 года я был свидетелем полного краха гитлеровского рейха⁷.

Редакции дивизионных газет, для которых я работал, помещались за пропускным пунктом близ Московских ворот, а армейской – на правом берегу Невы в черте города. Корреспондентский билет был своего рода визой для наших пограничников. Ходил я за «проходную», как мы выражались, не только по журналистским делам, но и для того, чтобы отдать кому-то свой хлебный паёк.

Может быть, это прозвучит неожиданно, но это правда. Именно так и было на самом деле. Постепенно мой фронтовой хлебный паёк становился непригодным для *моего* пропитания. Сперва шли примеси сои, отрубей, жмыха... Это ещё куда ни шло для моих зубов и десен, но потом в хлеб стали подмешивать целлюлозу! Древесина, а всё же клетчатка! Пока целлюлозный хлеб был свежим, его ещё можно был как-то раскусить, но через час-другой буханку уже надо было рубить топором или ковырять штыком, а то и размачивать в кипятке. А у меня разыгралась цинга, кровоточили десна, шатались зубы, распухали ноги...

Поддерживал мои силы связной полка красноармеец Денежкин, кадровый рабочий, конечно же, доброволец. Семья его не эвакуировалась, жила в блокадном городе, совсем-совсем близко и в то же время бесконечно далеко! Самому ему вырваться домой удавалось буквально несколько раз, но связь с домом была налажена через одного знакомого паренька-шофёра. Я уступал семье Денежкина свою буханку – трехдневный паёк. Желая как-то отблагодарить меня, Денежкин, удивительной доброты и смелости человек, по ночам *выходил*, точнее говоря, *вытолзал* на нейтралку, штыком дробил лед, покрывший неубранные с осени огороды, и под огнем противника вырубал изо льда замёрзшие кочешки капусты или окаменевшие морковки, подчас это была и свекла. Так Денежкин лечил меня от цинги. Порцию витаминов я получал (опять же, благодаря его стараниям!) в чае, настоянном на хвое прифронтowych елок. Увы, вскоре Денежкин попал в медсанбат, и больше мы с ним не встречались...

Но одубевшие хлебные пайки накапливались. Я извлекал внутренности противогоза, клал в сумку свои пайки и направлялся в город отдавать их уцелевшим друзьям и знакомым.

Никакого транспорта не было. Как писал Николай Тихонов, *именно тогда* ленинградцы узнали цену подлинных расстояний в своём городе! С трудом добираться до центра. А это – *километров пятнадцать!* Поднимаюсь по обледенелой лестнице, стучу. Но дверь не заперта. Иду через кухню. На окнах фанера вместо стёкол. Ветер дует, как в степи! Вхожу в комнату, в которой я бывал столько раз в довоенную пору, в которой было столько книг, в которой так радовались гостям, так часто звенел смех... На кровати лежит давно умерший друг, мой старший товарищ, мой учитель и наставник в делах кинематографических...

Кому же отдать хлеб?.. Кому?.. Может быть, вот этому случайному прохожему?.. Хотя пройдем называть его можно лишь условно – он медленно-медленно движется вдоль дома, опираясь на стену двумя руками, и вдруг тихо сползает на снег... Он ещё смотрит, но взор его уже угасает... Ему мой хлеб *уже* не нужен.

---

167 таких 40-минутных передач.

⁷ См. очерк «На рассвете нашей Победы» на стр. 92.

Кому же отдать хлеб?.. Стучусь в другую квартиру, в другом доме. И опять – можно не стучаться, можно одному ходить по ледяному дому, в котором совсем ещё недавно жила очень дружная и гостеприимная семья, где так любили музыку. И здесь та же картина, что и прежде – постель, закутанный в одеяло человек, мертвящий тело и душу холод.

Усталость валит и меня с ног! Наверное, я отшагал километров восемнадцать. Да, уж не меньше! Я несказанно рад, что квартира заперта. Вот они, блокадные парадоксы. Заперта – значит, есть надежда на то, что там, за дверью, живы! Жива моя старая приятельница, прекрасный знаток пушкинского Петербурга, лектор, педагог, критик, обаятельная, умная собеседница... Сейчас я её увижу, помогу ей... Дверь открывается... Долгая-предолгая пауза, которая кажется вечностью. Слова благодарности – как всегда, чуть старомодные, изысканные. Она просит меня извинить, она больна, в квартире не прибрано, к тому же она плохо выглядит. А за хлеб, конечно же, огромное спасибо. Она этого никогда не забудет: шутка ли сказать – с фронта пришёл человек, чтобы дать ей целую буханку хлеба! Ничего страшного, что он крепкий, она сделает из него суп, да-да, суп. Это будет очень вкусно, и хватит на несколько дней... Она протягивает мне высохшую руку и берет этой рукой хлеб, потом вновь протягивает мне руку для рукопожатия. Рука у неё лёгонькая, очень холодная и вся высохшая. И всё-таки я верю, что ей поможет буханка хлеба! Вы понимаете, почему она не пустила меня в квартиру? Прежде всего потому, что не хотела показывать мне своё изнурённое лицо, его увядшую прелесть. И её слова о беспорядке в доме – тоже не дипломатия. То, что такой разговор идёт в первую блокадную зиму под гул артиллерийских выстрелов и воздушных налётов, – уже само по себе чудо!

... Не меньше часа взбираюсь по обледеневшей лестнице на шестой этаж другого старого дома в центре города, чтобы отдать вторую буханку хлеба другой моей знакомой, соратнице и помощнице по литературным делам довоенной поры... */Довоенной поры!* Так мы и тогда говорили, а ведь с начала войны прошло-то всего-навсего полгода, а кажется – целая эпоха миновала!

И тут я должен сделать небольшое отступление. Дом, на шестой этаж которого я с таким трудом взбирался по ледяным ступеням, стоял недалеко от Владимирского собора на Петроградской стороне. В садике у собора и в окрестных переулках была блокадная барахолка. Хлеб там котировался на вес золота. Это не преувеличение, а истинная цена! За буханку хлеба там можно было получить золотое кольцо с бриллиантом. Предлагали и рояли.

В этих обменных операциях было нечто позорное. Моя приятельница не шла на подобные компромиссы, хотя у неё ещё оставались какие-то драгоценности, фамильные, не ахти какие редкостные и дорогостоящие, но дорогие ей своей памятью о предках, потомственных интеллигентах, живших в мире искусства и миром искусства. И она не понесла их на ближнюю барахолку, видимо, сознавая, что кусок хлеба *её уже не спасёт*.

Я застал эту гордую женщину во всем величии женской красоты! Она лежала на кровати причёсанная, с перстнями на пальцах и с серьгами в ушах, но уже мёртвая... Так встретила свою смерть эта ленинградка.

... Опять некому отдать хлеб. Какая мука!

Эта история произвела на моих гостей огромное впечатление, особенно – на поэтессу. Она сперва делала какие-то пометки в своём блокноте, а потом остановилась, замерла и слушала, буквально не переводя дыхание, заключительные слова моего устного рассказа.

– И Вы обо всём этом ещё не написали? – воскликнула она. – Как можно! Это же клад! Это же готовые новеллы, очерки, рассказы!

Её муж посмотрел на меня и развел руками:

– Николай Афанасьевич этим нас удивлял ещё в довоенном литобъединении, когда рассказывал нам о том, что видел и слышал в годы Гражданской войны! Начинал-то он как прозаик, а вот, видишь, ушёл в документалистику, в кинопублицистику, в драматургию... Николай

Афанасьевич, а Вы мне как-то говорили, что ещё в годы блокады задумали сценарий художественного фильма о блокадниках-ленинградцах...

– Да, – ответил я, – был такой замысел. Вернуться к нему я смог лишь в конце 40-х годов, а тут – так называемое «Ленинградское дело», и впоследствии в общем допускались лишь какие-то частные истории либо же, напротив, – слишком общие, иллюстративные, а у меня главным героем должен был стать... ну, конечно же, фронтовой журналист, которого откомандировывают на фронт, и он буквально через несколько месяцев после начала войны вновь возвращается к своей главной мирной профессии. Как вы понимаете, *такой герой* и многое видит, и *обладает определённой независимостью в действиях и суждениях, и склонен к обобщениям*. А кому, скажите, *такой герой* нужен? Разве что зрителю. Так до него дорога дальше, чем до Луны! Вот мои довоенные фильмы запускали в производство *после трёх виз, трёх подписей*, а теперь (мы тут с одним молодым кинодраматургом на эту тему долго беседовали!) и *пятнадцати подписей мало!*

– Но ведь с книгой-то проще! Попробуйте повесть сделать! – уговаривал меня Миша.

– Поздно, Миша, не тот запал, перегорело многое, да и психологически тяжело. Стану вспоминать не только горькое, но и светлое: как с Галей познакомился, как она меня в госпитале своём на Петроградской стороне спасла, как мы вместе с ней после снятия блокады на Берлинское направление оба напросились! А ведь могли, вполне могли в Ленинграде остаться! Как знать, может, она бы после родов и жива бы осталась, не погибла бы на второй день после рождения сына, и жильё у нас было бы, и работа стабильная. Ведь мы вернулись к разбитому корыту!.. Как вы оба уже догадались, такая киноповесть могла бы быть *только* чисто автобиографической. Разумеется, я мог бы взять какую-нибудь судьбу, выстроить сюжет, но не хочется заниматься таким *конструированием!* Лучше расскажу-ка я в очерковой форме о конкретных людях, об их делах, их борьбе, их переживаниях и надеждах!.. В одном вы оба правы: надо, пока есть силы ещё какие-то, пока совсем болезни не одолели, сделать очерковый цикл и назвать его... ну, хотя бы «*Были пламенных лет*». У Довженко «*Повесть пламенных лет*», а у меня – некоторые *были* блокадного Ленинграда. И одну главу, заключительную, думаю сделать берлинской, майской, победной, чтобы была в цикле завершенность и логическая, и эмоциональная. Не стану претендовать на энциклопедичность, универсальность, какую-то особенную широту. Пусть вспомнится то, что особенно дорого, а там видно будет.

... Гости мои ушли, а я долго-долго, далеко за полночь, сидел над раскрытой папкой, на которой тут же крупно написал: «**БЫЛИ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ**».

Н.А. Сотников. Война пришла в наш дом не сразу

22 июня немцы бомбили Кронштадт. Я видел этот бой, стоя напротив острова Котлин в Коломяках⁸.

Первые мгновения войны, её первые часы и дни у меня, участника Гражданской войны, войны Финской и походов на Западную Украину и в Западную Белоруссию, вызвали чувство, нет, не страха, а чувство *яростного возмущения*: я своими глазами видел, как всё шоссе было усеяно забитыми кладью машинами! Это новая «знать» спешно покидала не только пригород, но и вообще городские пределы. Спасалась бегством номенклатура среднего и младшего ранга, те самые чиновники, которые ещё день назад, бия себя кулаками в грудь, кричали о патриотизме и призывали к новым успехам «на всех фронтах строительства и защиты социалистического Отечества».

---

⁸ Ныне – Комарово.

Как я потом узнал и увидел, бежала знать и из Ленинграда – под самыми разными предложениями, не страшась порою ни закона, ни административной, ни партийной ответственности⁹.

У нас в Ленинградской писательской организации дело обстояло несравнимо лучше. Писательская молодежь (а молодых писателей тогда было немало, не то, что в 60-е и 70-е годы!) уходила в райвоенкомат Дзержинского района. Просились в добровольцы и люди постарше, но их просили подождать. Наша, писательская «знать» сразу же запросилась не на фронт, а на Восток и заполнила тот самый эшелон, который был предоставлен детям представителей художественной интеллигенции Ленинграда. «Спасите наши души!» – таков был вопль всей этой «знати». Ее настроения, её *подлинную*, а вернее, *подленькую*, сущность прекрасно уловила замечательная женщина, гражданин и поэтесса бывшая жена Алексея Николаевича Толстого Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая в своём стихотворении 1941 года «А беженцы на самолетах...»¹⁰. О публикации этого стихотворения в те времена не могло быть и речи, но в наших узких кругах творческих работников оно хождение имело уже *тогда* и покоряло нас своей жесточайшей правдой, горестным сарказмом и прозорливостью.

Я лично знал Наталью Васильевну, не раз встречался с нею в доме Алексея Николаевича в Детском Селе¹¹. В ту пору я много занимался издательскими делами в «Прибое» и в «Пролетарии», и среди моих постоянных авторов были и К. Федин, и Ю. Тынянов, и Б. Лавренёв, и В. Каверин. С Алексеем Николаевичем я не раз советовался по душам. Он удивительно широко умел смотреть на литературный процесс и на издательское дело. В наши общие разговоры легко и органично входила и Наталья Васильевна. Она уже и в те довоенные годы отлично знала каждому пишущему цену не только литературную, но и человеческую, и, как мне кажется, очень точно предвидела то, *кто кем окажется* в тяжёлую годину.

Я лично наизусть помню только первую строфу и совершенно убийственный эпитет из следующей: «А беженцы на самолетах взлетают в небо, как грачи, актеры в тысячных енотах, лауреаты и врачи...». А это сочетание прямо до сих пор глаз, слухи сердце режет: «... и просто мелкий большевик». Вот эти-то «мелкие большевики» и оказались на деле самой большой опасностью во все периоды нашей истории, начиная со времён предреволюционных и по сейчас. Нет нужды уточнять, что самолётные рейсы были крайне малочисленными, посадки и лимиты строго регламентировались как минимум на городском уровне. Значит, у всех этих «летунов» были свои люди наверху. Разумеется, и самый «верх» составлял списки тех, кто подлежал крайне желательной эвакуации как *национальное достояние*. Но таких имен всегда было и есть крайне мало, а вот тех, кто выражает *национальное недостоинство*, всегда хватало с лихом!

До сих пор перед глазами стоят и вагоны того самого «эшелона на Восток». Наши писательские жёны отбирали для первоочередной эвакуации прежде всего малышей, но и малышей потеснили «тузы», «короли» и «валеты». Перераспределение происходило в Перми, где командовали опять же представители сей «знати», которые в результате всех интриг вытолкнули писательских жён и малышей в деревню *Чёрная* (очень, между прочим, эмоционально означенное название!). Обо всем этом мы узнавали в блокадном уже Ленинграде много месяцев спустя, но и в ту пору горькое предчувствие томило каждого из нас.

Когда стало формироваться Народное ополчение, то был создан так называемый писательский взвод – великолепное проявление, с одной стороны, патриотизма, а с другой – головы-тупства. Если в армии Народного ополчения литераторов стремились использовать для работы

---

⁹ Как эта ситуация напоминает чернобыльскую катастрофу в Киеве и в окрестных городах и поселках, когда высшее руководство членов своих семей отправило на юг и в Болгарию, а рядовые трудящиеся шли на первомайские демонстрации прямо под радиоактивными облаками!

¹⁰ Это стихотворение было опубликовано Е. Евтушенко в антологии «Строфы века» в 1994 году в издательстве «Полифакт».

¹¹ Так до 1937 года назывался город Пушкин.

по специальности, то Дзержинский райвоенкомат создал слабосильный «взвод очкариков» (их так сразу же и окрестили). Их сразу же бросили на передовую. Командовал этим взводом чудесный человек и своеобразный прозаик, герой челюскинской эпопеи Сергей Семёнов. Погиб в рядах этого взвода человек, которого я лично хорошо знал, – мой довоенный приятель поэт Евгений Панфилов. До сих пор история этого подразделения больно отзывается в моём сердце!

Однажды, уже в 70-е годы, мне довелось выступать на пленуме военно-патриотической комиссии Всероссийского театрального общества, речь шла прежде всего о репертуаре. Я в своем выступлении категорически протестовал против сильнейшей струи жертвенности, тем более жертвенности напрасной! В этом спектакле все погибли, в этом – тоже... А кто же в живых остался? Кто же победил? Нам непременно победителя показывать надо! А победить можно было и словом, как это блистательно сделала Крандиевская-Толстая. О том, какой страшный риск таился в её стихотворении, я думаю, и говорить не надо! А она, ученица русской литературы, с детских лет лично знавшая М. Горького, В. Короленко, Г. Успенского, не могла поступить иначе. Не могла! Толстовский девиз «*Не могу молчать!*» был в её сердце. Осталась в блокадном городе. Должна была остаться. Себе приказала.

Что же касается меня, то я себе приказал отправиться в одну из школ Выборгского района, где формировался полк ленинградцев-добровольцев.

«Вот – величайшие достижения гения нашего народа! И вы, стоящие на переднем рубеже обороны Ленинграда, призваны их спасти и сохранить, а фашистские головорезы спят и видят втоптать их в грязь!» – таковы были итоговые тезисы моих политбесед.

Я всячески избегал сложных словесных конструкций, обильной терминологии, нагнетания незнакомых бойцам имён... Доходчивость, задушевность, сердечность – вот главные принципы наших бесед у черты обороны города. Правда, начинали бойцы знакомиться со мной ещё на сборных пунктах, но вскоре мы в 42-й армии встали у Пулковских высот, словно неприступная стена. От этой невидимой стены до совершенно реальных стен рейхстага и пролёг мой боевой путь.

И тут родилась чудная форма пропаганды – *окопные тетради!* Внешне – тетради как тетради, обычные, школьные. Прочти – передай товарищу! Написал сам, попроси соседа написать тоже – о себе, о друзьях-товарищах, о доме, о фронте, о заветных чувствах и мыслях... Дивные были это слова! Жаль, что сбереглось так мало! Эти окопные тетради необыкновенно сближали людей, знакомили их друг с другом несравнимо порою лучше, чем собрания, которые носили куда более официозный характер. Когда-то ещё выйдет номер газеты, когда она придёт именно в твой взвод, в твоё отделение!.. А вот окопная тетрадка обежала путь, порою весьма длинный, и в твоё же отделение и вернулась! Один круг, два, три опишет такая тетрадка и вернётся ко мне. Бездна материала! Что-то сгодится для дивизионной и армейской газеты «Ущр по врагу», о чём-то можно и нужно будет сообщить в нашу фронтовую – «На страже Родины», что-то для очередных бесед использую, а бывали страницы с таким дальним прицелом, что мне казалось, будто мне, уже в далёкие послевоенные годы, адресованы те или иные слова.

Вскоре меня прикомандировали к Объединённой киностудии¹² и привлекли к сценарной работе, посчитав её главной, однако, полностью не освободив от прежних обязанностей. С одной стороны, нагрузка возросла, а с другой – появилась *несравнимая ни с чем возможность самостоятельного планирования времени*, что, согласитесь, и в обычной-то гражданской жизни большая редкость и подлинное чудо, а в армии да ещё в военное время вообще *чудо из чудес!* Так я получил возможность СВОБОДНО ПЕРЕДВИГАТЬСЯ ПО БЛОКАДНОМУ ГОРОДУ и видеть то, что совершенно было бы недоступно мне в иных ситуациях. Мне позволялось и самостоятельное планирование, и посещение музеев и библиотек, давалась возмож-

---

¹² См. подробнее об Объединённой киностудии.

ность завязывать деловые и творческие контакты, то есть делать то, что я, как профессиональный писатель, делал в совсем ещё недавние довоенные дни.

Повезло мне в этом смысле как литератору и позволило всё это не только построить по-своему работу в военные годы, но и определило во многом мои планы на последующую жизнь. Во всяком случае, книгу *«Были пламенных лет»* я бы в противном случае никогда бы не написал!

Таким образом, блокаду мне довелось видеть как бы с разных сторон, с разных ракурсов, выражаясь кинематографически. Оказавшись в ближних тылах, я всегда имел возможность, миновав контрольно-пропускной пункт у Московских ворот (тогда они были разобраны, воссозданы уже в послевоенные годы) и опять попасть прямо в окопы к своим фронтовым друзьям-товарищам.

Признаюсь честно, от начальства мне частенько доставалось, как оно выражалось, за «панибратство», за «отсутствие чувства субординации». Но для меня, по духу человека штатского, звания и должности носили формально-деловой характер и *никогда* не определяли ни человеческой сущности, ни сущности человеческих отношений. Посему бойцы и младшие командиры встречали меня душевно, запросто, что видно и из сохранившихся в моем фронтовом архиве фотографий. Вот так же запросто я и вникал в секреты боевого мастерства у наших славных снайперов – *Феодосия Смолячкова, Александра Говорухина, Николая Остудина* и *Ивана Добрика*. Эти парни столько фрицев уложили, что собой, ну, может, целый батальон пехотный заменить смогли!

То, что у меня не было одной, неизменной точки наблюдения за происходящими событиями, оказалось, пожалуй, самым главным в моём фронтовом опыте: широкая кинематографическая панорама жизни, сражающейся со смертью, предстала перед моим, отнюдь уже не юношеским взором. Бывало даже так: в течение одного дня я был то фронтовиком, то блокадником, то почти военным человеком, то опять сугубо штатским, насколько это возможно в городе-фронте, в осаде. И я не раз подумал о том, что это необычная вольность (и это-то при моём очень скромном воинском звании: сперва меня аттестовали заново на *интенданта Шранга*, а затем я стал *старшим лейтенантом* – дальше роста не было¹³ – надо было соглашаться на ряд должностей административного характера, а этого мне делать *решительно* не хотелось!) сродни той вольности, которая была у моих давних предков – казаков запорожских, от которых я унаследовал не только фамилию.^{14*}

Зима сорок первого года, сорок второй год принесли мне немало ярких впечатлений и открытий: это и творческая дружба с воинами и с блокадниками, и возрождение кинохроники и кинодокументалистики, и создание профессионального ансамбля 42-й армии, и, конечно же, повседневная работа в дивизионной, армейской и фронтовой печати.

Объявилась война сразу, а пришла в наш дом и в наши сердца далеко не вдруг: к тому, что она, война, идёт и будет идти долго, надо было привыкать. Тогда, в сорок первом, я не раз вспоминал свой боевой опыт времён Гражданской войны и совсем недавний и постоянно задавал себе вопрос: «Что можно взять на вооружение в плане духовного опыта, а что нет?» Этот вопрос, по-моему, был и остаётся главным в военно-исторической теме в литературе и в других видах искусства. Одно изречение вспоминалось постоянно – это слова комбрига Котовского, у которого во взводе охраны штаба я начинал свой воинский путь: *«Не тот боец, кто испытал тяжесть поражений, а тот, кто испытал вкус победы!»*

---

¹³ И всё же на короткое время Н. А. Сотников был назначен ответственным секретарём дивизионной газеты, но вскоре вновь стал корреспондентом.

¹⁴ Условно говоря, сотники – как бы командиры рот, входивших в полки. Чаще всего избирались рядовыми запорожскими казаками. Могли быть за провинности и неумения сняты со своих должностей. В мирное (относительно!) время выполняли не только военные обязанности, но и административные, и судебные, что отлично показано в романе в стихах Лины Костенко «Маруся Чурай».. Этот роман в стихах можно прочесть только на украинском языке.

Один эпизод по-кинематографически ярко вижу я до сих пор. У самых Пулковских высот, где красуются гранитные и мраморные творения Воронихина, – первые разрозненные, измождённые, крайне удручённые группы отступающих солдат и младших командиров. Зрелище это куда более тягостное, нежели встречи с многочисленными беженцами из числа самых что ни есть мирных граждан. Среди них – старики, женщины, дети... Как их упрекнуть в отсутствии боевого, наступательного духа! Другое дело – бойцы с оружием в руках. Их непременно надо остановить, заставить себя слушать, дать им опомниться, вернуть их в строй, а главное – настроить их души, перестроить их настроение.

Мне таких приказов тоже формально никто не давал. И этот приказ, как и многие другие *самоприказы*, я отдал себе сам. И помогла мне вновь юность моя. Я вспомнил 1918 год, такие же группы солдат старой русской армии – кто из плена, как в пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия», кто из окружения недавнего, кто просто так, отсиживался по лесам да по хуторам... И вот они маленькими группами тянутся на Родину. А я, ещё в сущности мальчишка, недавний ученик-реалист из Полтавы, иду им навстречу со словами приветствия, понимания, участия. Мы делаем привал, кто-то поправляет одежду, прилаживает обувь... Первые слова, первые взаимные взгляды – глаза в глаза.

«Нет, – говорю я им, – не погибла Родина, не погибла наша армия. Где она? Да вот она! Это – вы. Вы и есть будущая армия!»

Примерно так я вёл свои первые беседы в том самом девятнадцатом году на Украине. Так я говорил и тогда у самых Пулковских высот в самые страшные первые дни Великой Отечественной. Это и были первые наши шаги к Победе в мае сорок пятого.

Н.А. Сотников. Окопные тетради

Прежде всего, давайте условимся, что так называемые ОКОПНЫЕ ТЕТРАДИ, придуманные мною на рубежах обороны Ленинграда в 1941 году, и просто тетради, *побывавшие в окопах*, – это не одно и то же, хотя материал, так сказать, един – ученическая школьная тонкая тетрадка. ОКОПНЫЕ ТЕТРАДИ – это своеобразная газета (а порою и журнал), в которой между читателями и авторами почти нет границы, это продукт коллективного творчества, между прочим, не предусмотренный никакими приказами и инструкциями, за что меня неоднократно ругали и командиры, и вышестоящие политработники. Просто тетрадь, побывавшая в окопах, это разновидность журналистского блокнота, но она менее долговечна. Зато она позволяет мне как журналисту, писателю, сценаристу вести довольно длинную строку, почти такую, как на пишущей машинке по числу знаков, что очень удобно в работе. Естественно, я такую тетрадку никому не даю, это *мой личный черновик*. Как это ни странно, но именно такие тетрадки у меня сохранились до конца войны и основательно помогли мне в послевоенных литературных трудах.

ОКОПНЫЕ же ТЕТРАДИ прошли через десятки, если не через сотни рук, рук отнюдь не стерильных (окопная грязь, ржавчина, смазка оружия и т. д., и т. п.). Как хорошо, что я наиболее ценные записи переписывал начисто уже в свои, собственные, тетради. Вот на них-то я и буду ссылаться в этом очерке.

Живительное дело, мои послевоенные слушатели (а я, как писатель, очень любил живое общение с читателями) изо всех намеченных мною тем более всего интересовались именно ОКОПНЫМИ ТЕТРАДЯМИ. Вероятно, привлекла новизна: *такого* ещё не было, *такого* они не знали.

Ну, а теперь, как родились эти самые ОКОПНЫЕ ТЕТРАДИ. И, увы, о том, как они прекратили свои короткие жизни.

Наш полк Народного ополчения уходил с Выборгской стороны на огневые позиции. На улицах ещё былолюдно. Позванивали трамваи, хлопали дверцы автобусов.

Сейчас, спустя много лет, перечитываю эти строчки и вспоминаю публицистические заметки Ольги Федоровны Берггольц о самом начале войны. Оказывается, первое время продолжали работать рестораны с оркестрами, надо было очень внимательно приглядеться к прохожим на Невском проспекте, чтобы уловить военную новизну... Недаром я решился назвать один из своих очерков так: «*Война пришла в наш дом не сразу!*»!

Лично я это «*не сразу*» ощущал, возможно, меньше, чем другие: помогал мне в этом мой военный опыт, армейская школа с юношеских лет, профессия литератора, у которого, что ни говори, а чувство предвидения, прогноза – в крови. Ведь в этом – суть художественного творчества.

Да, где-то я проявил беспечность: можно было кое-какими простейшими продуктами и товарами запастись, организовать свой личный тыл практичнее, но я был буквально одержим своим устройством в строй и многое упустил. Прилавки пустели решительно и неуклонно.

Дома у меня, на Мойке, *никаких запасов не было*, так как я намеревался прожить до конца лета с выходом на осень в Комарово. Соседи по нашей коммунальной квартире проявили куда большую, чем я, практичность и эвакуировались при первой же возможности. Таким образом я впервые в жизни оказался жильцом как бы отдельной квартиры, которую мне неудержимо хотелось посетить перед отправкой на фронт. В то же время мне чисто психологически не следовало слишком заметно выделяться из ополченческих рядов, и я в строю пошёл на фронт вместе со всеми.

... Литейный мост, Литейный проспект, Владимирский, Загородный, Международный (ныне – Московский). Вот и Московская застава. Фронтная полоса начиналась у новостройки огромного Дома Советов. Там уже стояли наши замаскированные танки.

Повсюду велись оборонные работы: город превращался в крепость. Домохозяйки, школьники, пенсионеры, молодые бойцы отрядов самообороны строили доты у своих домов, дзоты – на улицах и в переулках. Устанавливались надолбы и рогатки на перекрестках. Возникали баррикады даже из трамвайных вагонов тех маршрутов, которые уже никуда не вели.

Отовсюду шли ополченцы на ближний фронт: от Нарвской и Московской застав, с Петроградской и Выборгской сторон, с Васильевского острова. Всех их встречали плакаты «*Народ и армия непобедимы!*» Корецкого, «*Поднимайтесь, советские люди!*» и «*Родина зовёт!*» Толкачева, «*Били, бьём и будем бить!*» и «*Вступайте в ряды Народного ополчения!*» Серова.

И вот ещё что очень важно подчеркнуть: новобранцы шли по путям недавних битв за социализм мимо фабрики «Равенство», где родилась первая в нашей стране ударная бригада, мимо завода «Красный выборжец», где возник первый в Советском Союзе договор на социалистическое соревнование, мимо Пролетарского завода имени Ленина (это предприятие было прославлено первым Днём индустриализации), мимо Металлического завода – первенца первого встречного плана. Новейшая история шла нам навстречу и властно напоминала о том, какие у нас были выдающиеся завоевания во всех сферах жизни. *Есть нам, за что бороться, есть, что защищать!* Этот мотив я всячески обыгрывал и как пропагандист, и как газетный журналист.

По пути следования у нас возникла какая-то сравнительно продолжительная остановка, и я отпросился сбежать к себе домой. Хотя шёл я сравнительно быстро, но не мог не отметить для себя вехи на пути – вехи в истории: вот книжная типография Смирдина, выпускавшая первые книги Пушкина, вот квартира Рылеева, неподалеку дом, где жил юный Лермонтов... Воистину, говоря пушкинскими словами, «*здесь каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет*».

Но вот и громада моего дома. С горечью прошёлся я по опустевшей квартире, постоял у книжных полок... С родным жильём прощаются, как с родными людьми. А что у меня теперь будет? Землянки, блиндаж, возможно, госпитальные палаты, теплушки в поездах, чужое временное жильё... Так в итоге всё и произошло в моей судьбе.

Хотел взять с собой хотя бы несколько книг, но раздумал, а вот школьными тетрадками запасся. И не прогадал! Они сослужили добрую службу – и не мне одному.

Вышел, добрался до места временной нашей остановки... Никого! А тут, на счастье, последний трамвай 39-го маршрута. Он и привёз меня на войну. Вагон подошёл к кольцу за Средней Рогаткой, приостановился, сердито заскрежетав колёсами на повороте, и заторопился обратно в город. Позже я узнал его: он стал баррикадой...

Из-за Пулковских высот густо летели на нас немецкие снаряды, и я укрылся за насыпью железной дороги. Неподалёку от нас на поле гражданского аэродрома размещались огневые позиции наших миномётчиков, а немцы всё больше и больше зарывались в землю, больше не решаясь наступать. Как выяснилось, их сильно напугал мифический «*пояс Ворошилова*», который якобы подобно линии Мажино проходил на городских руб ежах. А на самом деле «железобетонным» поясом были наши наспех вырытые землянки и канавы неполного профиля. *Зато через наши души проходил никому не видимый мощнейший вал обороны!*

В разрушенном селении Каменка помещался штаб нашего полка. Стал накрапывать дождь, но утомлённые ополченцы устроились на короткий отдых в придорожных кюветах. Вскоре из-за холма потянулась к нам цепочка женщин, которые не успели вырыть для нас окопы полного профиля. Они передавали нам свои лопаты и горестно вздыхали. Бойцы, получив лопаты, двинулись в полумраке к своим будущим позициям и там принялись зарываться в землю, ибо на войне, да ещё на передовой это первейшая забота и необходимость.

Временами ополченцы устраивали перерыв, но не для того, чтобы посидеть или тем более полежать: они проходили тренировки под прикрытием железнодорожной насыпи. Вообще, надо сказать, у ополченцев в целом дисциплина была на высоком уровне, да и возраста у нас оказались посolidнее: многим – за сорок, за пятьдесят и даже более того. В других частях среди рядовых таких «стариков» не встречалось.

Неожиданно из-за насыпи появился парторг части и, увидев меня, поручил мне быть в *полку политинформатором*, чему я очень обрадовался: ведь это *почти моя профессия!*

Не мешает сказать о том, что парторг почему-то твёрдо решил, что я – член партии, а я был беспартийным, так как вместе со многими единомышленниками вышел из рядов партии в знак несогласия с НЭПом. Об этом у нас мало говорят и пишут, а ведь ТОГДА были и психические расстройства на этой почве (опять буржуи над нами!), и даже самоубийства. В литературе эта волнующая тема прошла как-то вскользь, но я не скажу, что антинэповских мотивов не было совсем: вспомним и «Гадюку» Алексея Толстого, и высказывания Николая Тихонова, и стихи, например, Михаила Светлова. Однако вал и жар индустриализации оказался необыкновенно целебным лекарством, и колеблющиеся воспряли духом. Подумывал о возвращении в партийные ряды и я, но весьма солидные должности (номенклатурные, как их потом стали называть) доставались мне при минимуме придинок к анкетным данным, в том числе и к графе «ОБРАЗОВАНИЕ»: ведь полнокровного высшего законченного образования я так и не получил. Но это, впрочем, тема для другой главы или даже другого очерка.

Мне как политинформатору был определён свой распорядок суток: до ночи спать, а затем в темноте ходить по ротам, собирать от политруков сведения об окопной жизни и готовить политдонесения.

И вот я брожу все ночи подряд по нашему участку фронта, который проходит с удивительной точностью по воображаемой линии Пулковского меридиана. В просветах туч иногда вижу я руины нашей знаменитой обсерватории. Через эту точку, обозначенную на всех картах, сейчас в обе стороны летят снаряды.

Ночь сырая, глухая. Все спят в окопах за исключением дозорных. Начинаю приспособляться к новой для себя обстановке. Порою враг спросонья обстреливал придорожные заснеженные кусты. Посему я решил ходить напрямик открытым полем. Так было безопасней. Когда на меня пикировал фашистский стервятник, я не падал в снег, чтобы не увеличивать площади

пулеметного обстрела, а лишь останавливался и грозил врагу кулаком. Он меня – свинцом, а я его – кулаком! Так мы с ними без переводчиков и разговаривали!

Продолжаю идти в кромешной тьме, ориентируясь по вспышкам цветных немецких ракет. Прихожу в первую роту. Бужу в землянке политрука. Оставляю ему одну из своих ОКОПНЫХ ТЕТРАДЕЙ: пиши, мол, сам о том, что у тебя в роте было вчера.

Добираюсь до следующего подразделения. Там тоже поднимаю политрука и даю ему тетрадку, а на обратном пути из третьей роты этого батальона забираю свои тетрадки с крайне интересными записями!

Бывало, что я кое-что записывал или дописывал со слов. Чаще всего это приходилось делать в боевом охранении, где люди не могли менять даже на короткое время винтовку на карандаш.

Перечитываю тетрадки. Оказывается, стали писать не только политруки, но и рядовые бойцы! Я несказанно обрадовался и стал для рядовых оставлять ещё одну тетрадку.

Газеты, увы, доходили до передовых позиций с перебоями, а тут, глядишь, и *своя газета* появилась! Последние известия – да ещё с соседнего участка!

Однажды один безымянный автор, но, судя по всему, человек и знающий астрономию, и не без литературных способностей, написал целую оду во славу нашей астрономической науки и выразил уверенность в победе и восстановлении родной обсерватории.

После таких находок я возвращался в родную землянку богачом! Веселей становилось на душе. Какие замечательные люди стоят на страже родного города! Они плохо вооружены, слабо экипированы, животы у них подтянуты из-за скудных пайков, а гляди – бодры, остроумны, готовы к новым испытаниям!

Порою ОКОПНЫЕ ТЕТРАДИ раскрывали и состояние духа врага:

«Немец нервничает. Стреляет с перепугу куда попало. Шёл он господином к Ленинграду в полный рост, а тут, у самого города, какие-то ополченцы заставляют его зарываться в землю, как слепого крота!»

В другой тетрадке говорилось о враге так:

«Не могут они понять, что у нас действует железный закон: “Позади Ленинград, и отступить некуда!”»

А ведь и верно: *враги ни шагу вперед не прошли за все 900 дней!*

Третий боец пишет:

«Только через мой труп мог бы проползти гад к моему родному городу, где я родился и вырос!»

При свете коптилки снова разбираю добытые в моих ночных походах сокровища. Народ в ротах ополченцев культурный: много вузовских преподавателей, инженеров, есть артисты, музыканты... А я как сценарист монтирую живо изложенные эпизоды в единое политдонесение, ну, а то, что не годилось в сводку по особой эмоциональности, при особой редакции подходило для нашей дивизионной газеты. Правда, бывают такие словечки в такой концентрации, что никакая редакция не поможет: слишком крепко, забористо кроют врага наши люди!

Встречаются и такие коротенькие репортажи прямо с места действия:

«Два бойца вышли из траншеи за “языком”. Во мраке зимней ночи они напоролась на минное поле, где прежде были пригородные огороды. Казалось, что там каждый мёрзлый капустный кочан взрывался при малейшем прикосновении! Одна из коварных мин внезапно и гулко разорвалась. Разведчик был ранен. Моментально сюда хлынул поток свинца. Ополченцы укрывшись в воронке. Они полагали, что снаряды в одно место дважды не ложатся...»

Переживая долгий вражеский обстрел, раненый больше всего мучился от нестерпимой сорокаградусной стужи. И напарник нашёл выход: он стал согревать друга своим телом, ложась то с правой, то с левой стороны, пока обстановка не позволила утащить раненого в ближайший окоп и сделать ему перевязку».

Этот крохотный рассказик перепечатала наша дивизионная газета.

Вскоре мне довелось познакомиться с неотправленными письмами убитых фашистских вояк. В этих письмах были бесконечные жалобы на быт, погодные условия и сплошное нытьё! Контраст очевиден!

... Под утро я обычно завершал свою работу на пишущей машинке, вычитывал текст и шёл будить комиссара полка, давать ему на подпись сводку политдонесений. Затем я должен был отправляться в политотдел дивизии, который находился в толщи насыпи железнодорожного полотна. Напоминаю, что всё это проделывал беспартийный человек с очень скромными военными познаниями, которые, однако, постепенно всё же пополнялись и упорядочивались.

Наконец я добирался до землянки и засыпал сном праведника.

А вот прочтите! Всего лишь несколько строк, а какая судьба! Говоря профессионально, *пример единства места.*

«Старый пулемётчик И. Е. Иванов во второй раз защищает Пулковские высоты. В 1919 году на этом же самом месте питерский железнодорожник командовал пулемётным взводом».

ОКОПНЫЕ ТЕТРАДИ сближали людей, делали их друзьями, волновали сердца. Вот что писали о своём командире Сочневе бойцы его роты:

«Это был прекрасный, чёткий и волевой командир. Вместе с бойцом Емельяновым Сочнее пошёл в разведку. Они захватили вражеский пулемёт и принесли важные документы».

Лично я знал Сочнева. Он не раз заходил в нашу землянку, делился последними новостями, советовался... И мне же пришлось проводить его в последний путь! Тело храбреца мы доставили на санках к воротам его родного завода «Светлана». Рабочие похоронили своего заводчанина, знающего и умеющего техника, на Выборгской стороне. А я проведаль его вдову и сынишку и передал им паёк мужа и отца.

На других участках фронтов такая ситуация была почти невыносимая, но никогда не надо забывать, что мы – *город-фронт, фронт-город.*

Сочневцы люто отомстили за гибель своего любимого командира: связист Киреев принял на себя командование и бросился в атаку, а снайпер Петров метким выстрелом снял с дерева вражескую «кукушку»¹⁵ и захватил автомат убитого немца. Помкомвзвода Иванов подкрался к дому, где засели враги, пристроился под окном и заорал: «Фриц! Сдавайся!» Тут же в окно высунулся автомат, Иванов схватил своей сильной рукой дуло и... вытащил в окно наружу немецкого негодяя!

Все это тоже нашло отражение в очередном «выпуске» ОКОПНОЙ ТЕТРАДИ. Новости окопной жизни ярко раскрывали русские, подлинно теркинские, характеры защитников нашего города! К примеру сказать, наши воины стали овладевать искусством... *жонглирования гранатами* \ Это, конечно, не цирк, но по-хлещё любого цирка. Помкомвзвода Егоров записал в ОКОПНОЙ ТЕТРАДКЕ:

«К нашему окопу подкрался немецкий офицер и с диким рёвом: “Здравствуй, русский!” метнул на нас ручную гранату. Младший командир Семенов перехватил её налету и вернул по самому прямому назначению! Немец упал и больше не поднялся».

А боец миномётной роты Михайлов такой эпизод припомнил:

«К нашему окопу под прикрытием автоматного огня приблизились фашисты и кинули гранату. Она ещё дымилась. Я схватил её и швырнул обратно. Взрыв! Немцы убежали, бросив в панике ручной пулемёт, который нам потом очень пригодился».

Героями «тетрадных» записей были и тыловики:

---

¹⁵ Краткий комментарий см. ниже.

«Повар Орлов, повозные Фролов и Филин потащили на позицию кухню и боеприпасы. Обозников жестоко обстреляли. Всё же они сварили обед в лощинке и разнесли суп в ведрах и цинки с патронами прямо к рабочим местам бойцов, не считаясь с вражеским огнём».

В ту пору медаль была очень большой редкостью. Наградой служил приём в партию или в комсомол. Вот одна из записей:

«Сегодня приняли в комсомол сандружинницу Нину Васильеву. Она вынесла из-под огня 15 раненых...».

О наших ОКОПНЫХ ТЕТРАДЯХ пошла молва и докатилась до товарищей по перу. Некоторые городские корреспонденты прямо заявляли, что в этой землянке под Пулковскими высотами всегда можно найти свежий материал и... использовать его в своей газете!

Однако стопка школьных тетрадей иссякла. Меня отпустили домой на побывку. (С кем? С прошлыми светлыми творческими днями? С родными книгами?..) И я, старательно полазив по ящикам и антресолям, обнаружил несколько школьных альбомов для рисования! А что? Тоже в дело пойдут! Бумага поплотнее, листы пошире!..

Ополченец, художник-профессионал Непомнящий (между прочим, он был одним из авторов оформления советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Вот какие кадры были у нас среди ополченцев! Залюбуешься!) стал оформлять ОКОПНЫЕ АЛЬБОМЫ вёньетками и даже зарисовками с натуры. Так мы превратились в окопный иллюстрированный журнал!

Вскоре у ОКОПНЫХ АЛЬБОМОВ появилась и ещё одна функция. Они стали исходным материалом для репертуара ансамбля песни и пляски нашей армии. Мне поручили помочь театральному режиссёру Морщихину** собрать труппу из числа блокадников. Мы обходили знакомые нам адреса, а также зачастую госпитали и больницы и приглашали на работу и... на войну профессиональных музыкантов и чтецов. Отощавшие за зиму мастера искусства были поставлены на красноармейское довольствие и с жаром принялись за репетиции и выступления!

И кинодокументалистике помогли БЛОКАДНЫЕ АЛЬБОМЫ! Нам с кинорежиссёром Сергеем Якушевым было поручено обобщить опыт снайперского движения. Мы не стали мудрить с названием киноленты и назвали её просто и чётко: «Снайперы».¹⁶

Лично я слышал, как прогремели первые сверхметкие выстрелы людей, имена которых стали легендарными: *Феодосия Смолячко в а, Александра Говорухина, Николая Остудина и Ивана Добрика*.*** Прямо для фильма подошли краткие записи ОКОННЫХ АЛЬБОМОВ:

«Немец споткнулся о пулю снайпера Смолячкова».

«Нынче Гитлер недосчитался двоих вояк с помощью Добрика».

«Три выстрела – три трупа».

«Смертоносная бухгалтерия снайперов»...

Кое-что из таких же записей пошло в дикторские тексты выпусков кинохроники и для режиссёра Валерия Соловцева к его фильму «Прорыв блокады Ленинграда»...

... Спустя многие годы, рассказывая об ОКОПНЫХ ТЕТРАДЯХ и АЛЬБОМАХ, я неизменно подчеркиваю, что вижу их кровное родство с автографами Победы на рейхстаге в мае 1945 года:

«Дошел от Невы до Шпрее военкор старший лейтенант Н.А. Сотников».

А ведь без ОКОПНЫХ ТЕТРАДЕЙ не было бы и этого автографа.

***Краткий комментарий, без которого современный читатель может не всё понять
Автор комментариев Н.Н. Сотников***

---

¹⁶ Затем он получил название «Снайперы Ленинградского фронта».

* Кукушка – в значении *вражеский снайпер*, который прятался, как правило, среди листвы или хвои высоких деревьев, иногда для таких снайперов специально оборудовалось «гнездо» с тайниками боеприпасов и продуктов. Впервые образный этот термин появился в Финскую, так называемую Зимнюю, войну, но в годы Великой Отечественной войны его перенесли не только ветераны, участники Зимней войны, но и людская молва.

В нынешнее время некоторые негодяи из числа демопредателей стали на страницах прессы вообще отрицать существование финских кукушек, утверждая, что это – «миф русской пропаганды»! Сами-то эти авторы уж точно – и не патриоты, и не русские.

Затем он получил название *«Снайперы Ленинградского фронта»*.

** С Морщихиным у меня, как у сына автора и его правового и духовного наследника; выходила какая-то незадача. К именам первого ранга в истории ленинградского драматического театра он не относился; ветеранов среди театральных работников и зрителей-театралов той; уже далёкой поры, я не застал. Не мог я и опознать Морщихина среди тех участников ансамбля 42-й армии; которые сфотографировались на память.

Как всегда бывает в таких случаях; помогли совершенно неожиданные обстоятельства. Отец в одном из черновиков по-дружески назвал режиссёра: *«Наш знаменитый бородач»*. Я пригляделся... С бородой и примерно ТОГО возраста только один. Это и есть Морщихин! Позже я, опять же случайно; узнал его инициалы: *С. Л. Морщихин*. Удивился; оказывается; ещё до войны он был не очередным; а ГЛАВНЫМ режиссёром нашего Театра Ленинского комсомола; получившего ныне космополитическое прозвище *«БАЛТИЙСКИЙ ДОМ»*. Это – опять же – к вопросу о «кукушках»! В другом тексте я вычитал; что Морщихин одно время партизанил (?); а в другом – был командиром роты (!). Очень я порадовался; узнав; что Морщихин дожил до Победы и после войны работал в Театре имени Ленинского комсомола. Отец Морщихина уважал и ценил.

*** Теперь – о снайперах. Каждый ли, даже умелый и опытный боец, может быть снайпером? Нет! В Советской Армии в мотострелковом взводе предусматривались по штату один гранатомётчик (не ручной; а из специального гранатомёта) и один снайпер с оптической винтовкой. В редчайших случаях эта схема переносилась на отделение; то есть снайпером был один из 10 солдат. Казалось *бы*, из оптической винтовки стрелять удобнее... И да, и нет! Нужен особый навык; более того – особые склонности. Как мне говорили ветераны; очень ценились охотники-промысловики; пулевые стрелки-спортсмены. Прекрасными снайперами были горцы; представители маленького народа тафаларов; про которых говорят; что их мальчики рождаются с ружьём.

Изредка снайперами были женщины. Мне встретилась цифра по Ленинградскому фронту: 4500 снайперов за всё время обороны Ленинграда. Что-то уж больно много! Почти – свежая бригада; на манер той; которой у нас на Ленинградском фронте; делая смелые и рискованные рейды, командовал мой автор и старший товарищ Яков Потехин (я был редактором серии его очерков *«Юность боевая»*)! Нет, цифра явно завышена. Важно понять; какой минимальный был отсчёт. Например; Смолячков уложил *почти целую роту фашистов!* Вот это результативность!

А ведь были бойцы; которые НАВЕРНЯКА не могли сказать; что пригвоздили хоть одного врага. Выходит, снайперы «отдувались» и за таких неумех. Только ли неумех?!.

«Снайпер в разведку не годится! Он мне всех языков перебьёт!» – говорил мне один ветеран. Психологический фактор! Вот что самое главное. Слишком горячий человек – плохой снайпер, флегматик – тоже. Слишком азартный – быстро себя выдаст и погибнет. Лишённый боевого азарта резко снизит свои показатели.

«Снайпер – это особый талант!» – говорил мне на студенческих сборах под Выборгом мой любимый командир и педагог мотострелок высшего класса капитан А. И. Кажданов и признавался: «Вот я – из лесников, с охотой с детства в ладах, а чувствую, что в современном

бою в снайперы не пригожусь. Есть ещё один момент: снайпер – истребитель. Он сеет смерть. Он видит в оптический прицел результат своего труда. Снайперу нет смысла за редчайшими исключениями (а они на войне бывали!) ранить врага. Среди снайперов часто встречаются люди дерзкие, с вызовом, с элементами хвастовства, горделивости. Пай-мальчик никогда снайпером не станет, а вот дворовый озорник, ребячий заводила – другое дело...».

Прав был наш Авенир Иванович! Мне и отец говорил о том, что все снайперы, с которыми он общался, были по характерам люди отнюдь не сахарные. Например, Смолячков мог и нагрубить старшему по званию. Отец ему годился в отцы, а Феодосий отнюдь не почтительно спросил его: «Ну, что, журналист, только смотреть будете или сами захотите винтовочку попробовать?» Отец не пришёл в восторг от такого вопроса в таком тоне, но ответил: «Чего ж, в Гражданскую приходилось из карабина на скаку стрелять! Давай винтовку и команду!» Так отец подстрелил одного немца, а Смолячков спрашивает: «На кого записывать будем?» Отец тут же ответил: «На Вас, Феодосий. Я-то ведь в основном словами стреляю». Второго немца отец убил из пистолета в Берлине, отомстив за гибель своего друга-однополчанина по редакции газеты 61-й армии. Получается, что за всю войну – «приделал» только двух. Немало размышлял я о результативности боевых дел.

А вообще-то тема «Снайпер и современность» не закрыта. В Афганистане, например, наши парни стреляли из трофейных английских снайперских винтовок на расстояние около полутора километров! Об этом мне, как редактору военного сборника «Поверка», поведал один из авторов.

P.S. Лично я видел образцы «Книжек снайпера» в музее Западного военного округа, но – за стеклянной витриной. Посему отчётность мне проанализировать не удалось.

Н.А. Сотников. Три встречи с будущим патриархом

Для меня с самого начала моей журналистской деятельности (а началась она ещё в Красной Армии в годы Гражданской войны) заголовок – основа основ. Пока не придумаю заголовок, не могу писать, хоть убей! У этого очерка сменилось несколько заголовков, и все они меня не устраивали. Первый был «В старом храме». Храмов много, не все они православные, да и что, в сущности, такое название отразит? «Заказной фильм» тоже не годится: сколько их было, есть и будет на наших студиях!.. «Особое задание фронтовому сценаристу» – это уже ближе к действительности, но в этом названии нет адреса и вовсе не понять, какого рода это было задание. А вот последний вариант при всей простоте меня вполне устроил. Каждый более менее сведущий человек поймёт, что речь идет об Алексии (Симанском), митрополите Ленинградском и Новгородском, будущем патриархе Московском и всея Руси. Из заголовка не следует только, *когда* эти были встречи, ибо где, понятно – скорее всего, *именно в Ленинграде*.

Именно в Ленинграде, на Ленинградском фронте (а где был город, где фронт, даже бывалый воин порой затруднится точно указать) я продолжил свою работу как кинодокументалист, как драматург. Меня отозвали, откомандировали с фронта на Объединенную киностудию, которая имела базой студию Ленкинохроники (ЛКХ, как её по привычке до сих пор именуют ветераны кинодокументалистики). О своей сценарной работе в блокадном Ленинграде я рассказал в очерке «*Вот мой отчёт перед Победой*». Об одной работе только я в нём не сказал ни слова – о фильме с длинным названием «*Сбор ленинградскими верующими денег и драгоценностей на танковую колонну имени Дмитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского*». Не очень-то привлекательно звучит, слишком скупое и пространное, но тут я не волен был что-то менять. Вообще в этом фильме от меня как от драматурга мало что зависело. Я выступал больше в роли продюсера, организатора, уполномоченного распорядителя, прораба, но и, конечно, всё-таки автора сценария и дикторского текста.

Скажу сразу – это был приказ, боевое задание и, как мне намекнули, задание правительственное. Фильм предназначался для показа за рубежом, цели имел пропагандистские, должен был способствовать открытию Второго фронта, а уже одно это не могло не вдохновить военкора и военного фронтового сценариста в блокадном Ленинграде!

С самого начала фильму были созданы максимально привилегированные условия – и не только по военным, блокадным меркам. Он должен был в производственном отношении идти по «зелёной улице». Высокие полномочия давались на период работы над фильмом и мне. Во всяком случае, я таких более никогда не имел. Любая моя просьба по этому фильму воспринималась как приказ.

Совсем не простым было для меня и решение испросить согласие стать консультантом этого фильма митрополита Алексия. О нём я знал очень мало, даже не представляя себе, как он выглядит, совершенно не ведал его биографии, вкусов, пристрастий. Ведь драматург должен работать с научным консультантом, находить с ним общий язык, быть его единомышленником...

Научным консультантом... А тут в лучшем случае богословие!.. Единомышленником!.. Это меня смущало более всего.

Я вырос в рабочей семье. Когда современные историки и философы говорят об атеизме пролетариата в России в начале века, они ничего не преувеличивают. Я знал друзей отца, участника революционных событий 1905 года, знал его товарищей по депо в Полтаве, бывал во многих рабочих семьях. Редко у кого были иконы, ещё реже горела лампада. На вопрос или красноречивое молчание гостя хозяин отмахивался: «Для матери (или для тётки) держу...». В красном углу у рабочих чаще всего бывала нехитрая книжная полка с дешёвыми изданиями легального характера. Нелегальную литературу тщательно прятали. Один деповский слесарь так прямо держал листовки за окладом тёткиной иконы!

В церковь не ходили, церковные праздники не отмечали. Разве что Рождество, но в каком-то украинско-патриархальном духе и то, больше в Диканьке, а не в Полтаве. В Диканьке – другое дело. Но тоже ни фанатизма, ни точного следования церковному календарю не припомню. Очень многое делалось по привычке, по-бытовому, по-житейски. Ни одного церковного ортодокса или фанатика тем паче не припомню.

Думаю, что лучше всего это время в плане отношения к религии охарактеризовал Александр Петрович Довженко в своей гениальной, пленительной и до сих пор неразгаданной, как и всё прекрасное, кинопоэме в прозе «Зачарованная Десна»: «...У нас на Украине простые люди в Бога не особенно верили. Персонально верили больше в святых, в Матерь Божью, в Николая Угодника, Пантелеймона, Илью, верили также в нечистую силу. Самого же бога не то, чтоб не признавали, а просто из деликатности не отваживались утруждать непосредственно. Повседневные свои интересы простые люди хорошего воспитания, к которым относилась и наша семья, считали по скромности недостойными божественного вмешательства. Поэтому с молитвами обращались в более мелкие инстанции, к тому же Николаю, Петру и прочим. У женщин была своя стёжка – они доверяли свои жалобы Божьей Матери, а та уже передавала Сыну или Духу Святому в виде голубя. Верили в праздники. Помнится, баба нередко говорила мне: “А чтоб побил тебя святое Рождество” или “Побей его, святая Пасха”». А дальше – текст ещё остроумнее, ещё лукавее. Прочтите, не пожалеете!

Александра Петровича я знал лично по секции драматургии в Москве, но за суетой и спешкой так и не удалось поговорить спокойно, неторопливо, по душам, в том числе – и об Украине времён нашего детства. Он ведь был старше меня всего на шесть лет! И дороги наши часто пересекались. От Полтавщины до Черниговщины, от Сосниц до Диканьки не так уж далеко даже по тем временам, а по нынешним – и тем паче! Меня под Житомиром ранили, а его чуть было белополяки не расстреляли. Он был участником освободительного похода Красной Армии на Западную Украину. Довелось принять участие в этом походе и мне. Может быть, мы

и разминулись где-то во Львове... Он создавал свои документальные фильмы об освобождении Украины, а я – о защитниках Ленинграда. А после войны мы были членами одной творческой секции в одном творческом Союзе – Союзе писателей. Чувствую свою вину перед его творчеством – больше я знал и ценил его как автора *довоенных* произведений. Обо всём его творчестве в полном объёме, в том числе и о «Зачарованной Десне» я узнал лишь в середине 60-х годов, когда мой сын Николай стал пристально изучать жизнь и творчество Довженко и советовался со мной как с писателем и ровесником века.

Убеждён, что у нас с Довженко были бы во многом сходные оценки, в том числе и атеистичности трудового народа. Опубликованные в четырёхтомном собрании сочинений Довженко отрывки из его сценария «Гибель богов» ошеломили меня и заставили вспомнить литературные полотна Рабле и Свифта.

Когда я стал учащимся Полтавского реального училища, произошло моё столкновение с законом Божьим как обязательным предметом, а также церковными порядками и наставлениями, пронизывающими школьную жизнь. Я советовался с отцом, и отец убеждённо доказывал мне, что сейчас в России нет другого пути получить образование: «Учи эти сказки, значения им не придавай. Главное, чтобы они тебе учиться другим предметам не мешали...». Но ведь были ещё унижительная исповедь, обязательность посещения богослужений, вечная и неотступная борьба свободной мысли с церковными догматами. В младших и средних классах я сдерживался, а вот на выпускных экзаменах не удержался – отвечал на вопросы довольно произвольно, хотя и гладко, но хитровато. Принимал экзамены какой-то большой чин церковный, кажется, архиепископ. Он выглядел усталым, опечаленным, слушал рассеянно. Мне поставил «отлично» и лишь потом добавил: «И всё же отвечать вам, молодой человек, следовало по синодальным книгам, а не по роману Мережковского!» Вероятно, он чувствовал, что время грядёт иное, оно надвигается, оно уже за окнами...

На исповедях исправно каюлся в кражах яблок, в невыученных уроках, в мелких шалостях. Уроков невыученных у меня не было, яблок не крал никогда, а шалить просто не было времени. Но ведь о чём-то надо было говорить! Не о сомнениях же в догматах христианства!

А дальше я расстался с церковью и религией надолго. В Гражданскую войну вспоминал о них только тогда, когда с колоколен поливали нас свинцом белогвардейские пулемёты. Никаких проявлений религиозности у бойцов, товарищей своих, не видел ни в бригаде Котовского, ни в санпоездах. «Мама!» – перед смертью кричали или шептали, женские имена произносили с последней надеждой и тоской, ругались страшно от боли невыносимой предсмертной. Имя божье не слышал, готов поклясться!

После окончания Гражданской войны стал заниматься издательской работой, газетной журналистикой, кинематографом. Специально с церковной тематикой не соприкасался. В 1928 году в Москве познакомился с автором музыки гимна «Интернационал» Пьером Дегейтером, увлекся историей *французского шансона, насквозь атеистической по своему духу!*

Недавно разбирал свои чудом сохранившиеся после блокадных ленинградских зим архивы и нашёл свою корреспонденцию, написанную мною в 1934 году в Донбассе. Это *единственный* мой довоенный материал на атеистическую тему. Цитирую эту корреспонденцию дословно:

Летчики и проповедники

В городе сенсация. Два колхозника прилетели призываться. Прилетели на своём колхозном самолёте! Сами вели машину. Искусно приземлились на аэродроме и пошли на призывной пункт. Как это ни странно и ни чудесно, но первые учлёты вышли из среды вековечных и заядлых пацифистов-меннони-тов. Дело происходило в донецких степях в пятидесяти километрах от райцентра Сталино.

Нелюдимо, замкнуто жило это небольшое племя. Сквозь века оно пронесло отвращение ко всяческому оружию. Вышло это племя давным-давно из Северной Германии. Были меннониты хорошими скотоводами, выращивали высокоудойную немецкую «красную» корову. Жили прочно, богато. Однако король Фридрих потребовал от них рекрутов, и меннониты, легко снявшись с места, перекочевали в Голландию.

Нидерланды тоже вели войны и тоже нуждались в солдатах, но меннонитское племя решительно воевать не хотело. На сей раз оно переселилось в Северную Америку, увозя с собою породистых, уже немецко-голландских коров и множество голландских слов, затесавшихся в их немецкую речь.

В Америке меннониты тоже не прижились. Их хотели втянуть в гражданскую войну между Севером и Югом.

Мирную обитель меннониты обрели в России, в которой начали проводить курс на освоение плодородных чернозёмных южных степей. Греков и татар Крыма привлекли на Мариупольщину, малоазийских греков – на Северный Кавказ, а немецких колонистов – в Крым. Меннонитам и их скоту дали пустовавшие земли у Хортицы и на Мелитопольщине. Слышал я, что где-то у запорожского острова чуть ли не до Днепростроевских времён хранился «священный дуб» меннонитского братства. Вот отсюда-то и перекочевала большая часть меннонитов в екатеринославскую степь, и в районе Юзовки образовалось несколько немецко-голландско – американских колоний.

С колонистами был заключён полюбовный договор – воевать их не пошлют, а военную службу им придётся отбывать на охране лесных угодий. И новобранцы-меннониты по несколько лет охраняли поволжские леса, не прикасаясь к «дьявольскому» оружию.

Пришла революция и к меннонитам. Кулачество частью разбежалось, частью эмигрировало. Оставшиеся пошли в колхозы, из бедняцкой среды выходили сельские активисты, председатели колхозов и сельсоветов. Но кое-что от меннонитских заповедей уцелело до наших дней.

И вот однажды в колонии под названием *Немецкая Михайловка* появился... самолёт. Надо сказать, что колонии как таковой уже к тому времени не существовало – был *колхоз имени Тельмана*. Среди ребят оказалось немало увлечённых техникой. И задумали они купить себе самолёт! Районный аэроклуб пошёл им навстречу: помог построить и оборудовать ангар, приобрести самолёт и планер, прислал специалистов – лётчика-инструктора Соскова и техника Сидорова. Так образовался первый колхозный филиал аэроклуба, и над весенними полями целыми днями стал гудеть самолёт, окончательно привившийся, как и трактор, и комбайн, к сельской обстановке.

Немало упреков выслушали ребята в свой адрес! Аэродром – площадка со скошенной травой – считалась у стариков-меннонитов проклятым местом. Стариков раздражало всё, связанное с авиацией: полотняное «Т» на траве, красный флажок у старта с призывами на немецком языке овладевать техникой, красный крест на повязке дежурной медсестры, тоже молодой колхозницы. Возмущали стариков и военная выправка учлётов, и четкие слова команд:

– Внимание! – Есть внимание!..

«Неужели изменят вере? Неужели пойдут воевать?» – с ужасом думали старики. Ведь ни они, ни их предки и в мыслях такого не имели!

Пошли по селу споры, ссоры, пересуды. Зашевелились проповедники. Заинтересовались «зарубежные братья». В сумке сельского почтальона появилось немало писем с голландскими, немецкими и английскими марками. Прославились молодые меннониты на весь мир! А им всё нипочём!

– Контакт! – Есть контакт! – весело бросал в ответ очередной учлёт, держась за ручку управления и взвиваясь под облака.

«Вернётся или не вернётся? – холодея от ужаса, с тоской думал седоусый папаша, поглядывая в небо и посасывая трубку. – А вдруг совсем улетит?...»

И улетали. Осенью, когда требовательный инструктор увидел, что его «У-2» находится в твёрдых надёжных руках, были разрешены и дальние полёты. Относительно дальние, конечно. И первым маршрутом стал призывной пункт РККА. Десять потомков меннонитов не пожелали расставаться с самолётами и попросились на службу в авиацию. Это были первые люди из племени меннонитов, *сознательно взявшиеся за оружие*. И тогда же последний в колонии проповедник публично сложил своё «оружие».

Корреспонденция эта выдержала несколько изданий. Был ещё расширенный вариант, где более подробно освещалась история меннонитов; был вариант; где больше внимания уделялось технической стороне дела; одна из газет попросила меня сосредоточить внимание на делах организационных; оборонно-массовых. Но базовым; основным стал этот текст.

В Донбассе я главным образом работал для «Известий»; для газеты «Социалистический Донбасс»; для районных газет. Основная тема – тема рабочего класса; ударничества; рабочего мастерства. Корреспонденция о меннонитах стояла несколько особняком. Просто подвернулся случай; я увлёкся; написал...

В том же 1934 году но уже в Ленинграде я встречался с народовольцем академиком Н. А. Морозовым на предмет съёмки фильма о нём для кинолетописи о замечательных людях науки; культуры; искусства. Н. А. Морозов был атеистом до мозга костей. Свои убеждения он подкреплял бесчисленными примерами из разных научных сфер; ибо был энциклопедически образованным человеком; сумевшим во многие науки внести свой вклад, порою весьма весомый. Был Николай Александрович одержим одной идеей; в которой он меня убедить не смог, несмотря на всё своё красноречие. Он поверял и алгеброй гармонию; и астрономией историю и приходил к выводам; что *раннего средневековья нет вообще (!)*; просто произошла ошибка в летоисчислении на несколько веков. Свои идеи он пропагандировал печатно к великому ужасу тех учёных, которые профессионально изучали как раз раннее средневековье. Николай Александрович; посмеиваясь; рассказывал мне, что один историк и одновременно искусствовед; знаток раннего средневековья; просто умолял его прекратить утверждать и пропагандировать свои тезисы: «Что же Вы делаете! Вы просто меня губите! Выходи я всю жизнь занимался тем, чего нет! Вы учёный разносторонний; универсальный. Обратитесь к другим вопросам; проблемам; темам. А я – однолюб. У меня ничего нет кроме моей специальности. Я её люблю, служу ей!» Завершал свой рассказ Морозов печально; сочувственно; но твёрдо: «Я ему ответил; что в любом случае он жил и работал не зря, но всё; что он изучил – не раннее средневековье; а более позднее время. Все признаки; черты; описания; особенно материальной культуры; сохраняют своё значение...». Но историк был в отчаянье!

Скажу честно: я тоже после этого рассказа испытал подлинное потрясение. Неужели всё было позже; чем мы думали? Чем привыкли думать? И герои «Гамлета» ближе стоят ко времени; в котором жил их автор; их творец – великий Шекспир? Если мы, материалисты; пришли в паническое состояние от гипотезы Морозова; то каково было церковникам; причём представителям многих вероучений и религий? Так называемые «отцы церкви» вообще «провисали» в безвоздушном, внеисторическом пространстве!

К сожалению, продолжить спор с Морозовым я не смог – жизнь сегодняшняя текущая, в которой год решал десятилетия, а месяц – годы, требовала внимания к себе, диктовала свои, порою очень жёсткие условия. Да и новые творческие планы, прежде всего в области кинодраматургии, решительно отвлекли меня (уже в который раз) от религиозной сферы.

«Никто не даст нам избавленья – ни бог, ни царь и не герой» – это был не только девиз нашего времени, но главная строка гимна, музыку к которому писал мой любимый герой французский рабочий шансонье Пьер Дегейтер.

И вот – блокада, срочное задание, ожидание встречи с одним из самых видных и авторитетных деятелей православной церкви – митрополитом Алексием. О чём нам с ним говорить? Как? Где? Возникали десятки вопросов, требующих конкретного разрешения.

В конце концов я твёрдо решил, что наше общение может носить *только общегражданский характер*. Мы оба – граждане великой страны, которая борется со смертельным врагом – немецким фашизмом. В победе над этим врагом – наша общая цель. Верующие, собирающие деньги и драгоценности для постройки танков и самолетов, тоже прежде всего – *граждане нашей страны, русские патриоты*. Эта линия должна быть главной. Всё остальное – фон. Фильм этот кроме всего прочего – *государственный, заказывает его государство*. Это тоже очень важная деталь. Она должна стать и аргументом, и компасом.

А иначе и быть не могло! Я тогда так думал и сейчас твердо стою на этом убеждении. Что же было иначе делать? Пускаться в дискуссии, вести беседы о догматах, о символах веры, уточнять какие-то тонкости обрядовые?.. Пытаться переубеждать в главном одного из ведущих церковных деятелей? Ни в коем случае! Он свой жизненный выбор уже сделал. В своё время свой жизненный выбор сделал и я. А сейчас, в блокадном Ленинграде? Верующие молятся за успехи нашей Красной Армии, за скорейший прорыв блокады. Я сам слышал в храмах гневные проповеди в адрес фашистских извергов, во славу нашего оружия. Вот это и надо показать.

Впрочем... Ведь сдавать деньги и драгоценности можно и не через храм, а непосредственно властям. Были и разовые сборы, и пункты приёма пожертвований. Сугубо светские, конечно. Почему же такие значительные средства собрала именно церковь? Вероятно, есть люди, для которых в самом акте передачи последнего, заветного, потаённого через церковь есть особый смысл. Это действие как бы освящается у верующего, наполняется особым содержанием. Позже я убедился в том, что и процедура приёма денег и драгоценностей в храмах была торжественнее, возвышеннее и, я бы сказал, человечнее. На пунктах приёма как бывало? Принос? Молодец! Давай сюда. Распишись. Следующий!.. Очередь есть очередь. А кто-то из чиновников мог и неделикатность допустить, и видом своим (а то и словом!) выдать свою реакцию на сумму или характер принесённого. Конвейер, поток, обычная бюрократия. Сцены же приёма пожертвования в храме, которые мы снимали, выглядели трогательно, человечнее, обставлялось *дарение* торжественнее, принимались дары почтительнее, благодарнее. В этом плане наши официальные светские организаторы и распорядители безусловно проигрывали.

Ещё в большей степени мы проигрывали в обрядах ритуальных. Крестин и венчаний мне в блокадном Ленинграде видеть не довелось, а вот что касается отпеваний, то этот обряд в годину военную вызывал особый эмоциональный подъём – и не только у верующих. Почему, наверное, и объяснять не надо: стремительно падала цена человеческой жизни, налёты, артобстрелы, голод, болезни, антисанитария, обилие трупов всюду – на ближнем фронте, на дорогах, на Неве, реках и каналах, в парадных, на лестницах, в квартирах, во дворах, тела, лежащие вповалку на грузовиках, братские могилы, мечта умирающего... быть похороненным и в гробу – всё это либо сводило с ума, либо к этому привыкали, что ещё страшнее.

Разумеется, число отпеваний в блокадные дни было невелико, но они были и сильно контрастировали со всеми повседневными проводами навсегда. Да что греха таить, и на фронте далеко не всегда мы делали всё, чтобы на глазах у оставшихся жить и воевать отдать последний долг только что бывшему среди нас товарищу. Редко звучали и прощальные залпы – берегли боеприпасы, а уж место захоронения *очень редко* прочно отмечалось и зримо, и в памяти людской.

Я думаю, что мало кто всерьёз верил в мир загробный, мало кто понимал смысл и характер молитвенных слов, однако, уцелевшая красота и парадная торжественность в церквях и соборах чистота и опрятность обстановки сильно контрастировала с блокадным бытом. И в этом тоже была одна из причин определенного подъёма церкви в годы войны в целом и блокады в частности.

В эти страшные времена возросла неизвестность, непредсказуемость не только завтрашнего дня, но и будущей минуты – шальная пуля на фронте, шальной снаряд, неожиданно прорвавшийся бомбардировщик с метким лётчиком... Психологи и врачи говорят, что даже здоровый человек тяжело переносит замкнутое пространство, особенно долгое время. А неизвестность, помноженная на замкнутое пространство и дополненная изнурительным голодом и повсеместным горем, была особенно мучительной. Неизвестность в отношении себя. А в отношении близких, родных, друзей?.. Кто-то из них погибал рядом с тобой, у тебя на глазах, и это умирание мгновенное или тягостно долгое, как пытка, было всё же известностью. А какие картины дантова ада рисовались человеку, у которого родные оказались в фашистском плену, в концлагере, в окружении, беженцами на фронтовых дорогах да ещё с детьми малыми?.. Страшно даже представить себе!

Опять же, не поверю ни за что, будто каждый пришедший в церковь в ту пору надеялся на какое-то посредничество, мистическое заступничество, верил в то, что его просьба будет в каких-то небесных инстанциях услышана, и родной человек будет *тем самым спасён*.

Однако готов поверить в то, что в экстремальных условиях человек, имевший определённую психическую предрасположенность к вере в сверхъестественное, имевший в детстве определенное целенаправленное воспитание, может стать убеждённым верующим.

Однажды меня познакомили с молодым ленинградским прозаиком, который советовался со мной, можно ли один из его рассказов инсценировать. И драматургическое решение, и фактура меня потрясла. Прежде всего своей логичностью и документальностью. О чём шла речь в рассказе, который мог бы стать основой и для спектакля, и для кинофильма?

В одном из ленинградских пригородов (у меня были и точные адреса, и даже фамилии, но я не хочу сейчас их называть) в день 9 Мая к братской могиле защитников и освободителей родной земли депутация райцентра возлагала цветы, был митинг. Среди приглашённых оказался и местный священник, в прошлом офицер-фронтовик, командир небольшого партизанского отряда, награждённый боевыми орденами (какими, сейчас не помню, но явно не полководческими – масштаб не тот!). Его районные власти тоже решили пригласить – в облачении, с крестом. Пусть все знают, что в их районе никаких гонений на церковь нет. Правда, о боевых орденах его решили не говорить, но во вступительной речи упоминалось, что наш-де батюшка – участник Великой Отечественной войны, офицер, патриот, что и воевал он недалеко отсюда – вон в тех лесах...

На празднование Дня Победы (а дата была видная, кажется, чуть ли ни XX-летие Победы!) приехали и бывшие земляки, и те, кто райцентр в годы войны освобождал. Священник (назовем его отец Игнатий) был очень грустен, даже удручён, стоял в сторонке. К нему какой-то однорукий ветеран обратился. отошли они от митинга. Однорукий прикурил (ловко у него это получилось!) и стал что-то с жаром отцу Игнатию рассказывать. Тот слушал, слушал, высоко вскинул голову, словно по фронтовой привычке на небо посмотрел. И даже руками развёл... После этого разговора выступать он отказался, на нездоровье сославшись, подвёз его на своём «жигулёнке» какой-то знакомый до церкви. Атам несколько старушек молились, дверь была открыта. Ворвался в церковь отец Игнатий, даже не перекрестился, прошёл за алтарь, снял там облачение и вышел уже без него навсегда за порог дома божьего. Говорят, уехал он, а куда, никто не знает.

А однорукий ветеран ещё не раз в райцентр навещался – родственники у него там были. Спросили его однажды: «Что ты такое нашему батюшке наговорил, что он сан с себя снял и уехал от нас на все четыре стороны?» И поведал ветеран такую историю.

Взвод, которым командовал молодой офицер, недавний выпускник пехотного училища, попал в окружение. Окружение всегда беда и всегда в какой-то мере неожиданность, но здесь в данном месте и в то время оно было как гром среди ясного неба! Бойцы остались без еды, без воды, многие были ранены. Взвод редел на глазах, и в какой-то миг командиру почудилось, что

гибель всех и его в частности близка как никогда. И тогда ему, сельскому парню, выросшему в религиозной семье и даже молившемуся вместе с родителями в дошкольную пору, припомнились давние молитвы. Сперва умерла особенно религиозная мать, потом отец, и воспитывала его уже тётка, бесконечно далёкая по взглядам от своей старшей сестры. На молитву у командира осталась последняя надежда. Так ему показалось, так он для себя решил. И дал себе зарок: если выведет бойцов из окружения из этого чёртового болота, окаймлённого лесом, поступит в семинарию и станет священнослужителем. Молился он неустанно всю ночь, но не на виду у бойцов, конечно. А те решили, что их «Чапай думу думает»^{17*}. Наутро дозорные сообщили, что каратели блокаду сняли. Открывался путь к своим. Командир так уверовал в божью помощь, что после войны выполнил свою клятву. А воевал он отлично! Некоторое время командовал партизанским отрядом вблизи от родных мест, потом, после окончательного снятия блокады Ленинграда, воевал на других фронтах, Берлин брал... Приход получил в родных краях. Был на хорошем счету у начальства церковного и у прихожан. И вдруг такой случай! Оказалось, что не дошли заветные во спасение молитвы до «адресата», просто-напросто отвлек внимание карателей более важный для них в ту пору, чем изможденные остатки взвода, соседний партизанский отряд, в котором и воевал однорукий ветеран.

Были они с отцом Игнатием и раньше знакомы, не раз вспоминали фронт. А тут как раз у однорукого дружок по партизанскому отряду нашёлся, один из немногих, кто в живых остался. Вот и поделился новостью тут же, на митинге однорукий со своим знакомцем. Слово за слово, и, словно гром среди ясного неба, пришла весть о том, как же обстояли дела в действительности. Раньше всё как-то вокруг да около в беседах они к тем трагическим начальным дням военным подступали.

Удивительной драматургической силы материал! Пьесу молодой прозаик пробовать написать не отважился – говорил, что тогда многие заветные авторские мысли и наблюдения не найдут себе места, а всё перевести в диалог, всё подчинить драматургическим, сценическим законам не мог, не по силам было! Да и я, выслушав его, подумал, что *рассказ*, вероятно, в данном случае наиболее органичный жанр будет. Повесть потребовала бы слишком большого материала, а тут хороша именно недосказанность, случай обыграть лучше всего *именно в рассказе*. Не знаю, завершил ли своё произведение молодой прозаик, но я часто вспоминал беседу с ним, немало думал над судьбой отца Игнатия. В связи с ним вспоминал и свою давнюю корреспонденцию о лёгчиках-меннонитах. Там конфликт, казалось бы, иной просматривался – православная церковь пацифистской не была, от рати воинов не отстраняла, напротив, на бои во славу Отчизны их благословляла не раз. Не представляю себе, чтобы старики-меннониты свои последние сбережения, а чаще всего последние вещи – вплоть до обручальных колец и серёжек, в девичестве ещё подаренных, – для покупки оружия предназначали.

А что я видел в Никольском соборе, где мы вели съёмки? На блюдо ложились и колечки, и ложки, и малюсенькие ложечки, может быть, единственное напоминание о родителях, о дедушках да бабушках, брошечка-заколка, запонки золотые, бусы, кулоны, стопочки серебряные, попадались и очень дорогие вещи – явно с дореволюционной поры хранившиеся у потомков купечества и дворянства.

Что самое удивительное (это я подчеркиваю как блокадник!), так это то, что люди, осуществляя этот акт дарения, *подвергали себя смертельному риску*. Не удивляйтесь, но это так. Во-первых, они отдавали безвозмездно свой НЗ, *неприкосновенный* и, чаще всего *последний запас*, который мог в самый критический момент продлить жизнь. Тут как на фронте. Последний снаряд помогает продержаться до прихода своих, до помощи братской. Последний кусочек хлеба (а тем более – буханка!) могли позволить продержаться какое-то время семье, не то, что одному человеку. А тут, скажем, норму прибавили, теплее на улице стало, легче стало

---

¹⁷ Классическая фраза из фильма «Чапаев».

в очереди выстоять. Во-вторых, эти пожертвователи очень рисковали по пути следования в Никольский собор – уголовные элементы знали о сборе верующими средств и случались на них нападения. В-третьих, они подвергались нажиму со стороны родных, знакомых, товарищей по работе, если те узнавали, *как* они распорядились с последними ценностями. Если уж вы такие бессеребрянники и такие сытые (а обмен порою шёл так, что за рояль в самые трудные месяцы на вес шла всего лишь буханка хлеба!), то отдали бы в фонд обороны гражданской, а то зачем же попам отдавать! А те жиреть на ваших подношениях будут! Такие мысли высказывались довольно часто.

Священники в годы блокады, насколько мне известно, голодали не меньше, чем все остальные. А вот искушение у них было. По договоренности с высшим руководством (мне было так сказано, но я понял, что речь шла непосредственно о Жданове) даже в самые тяжёлые месяцы блокады церквам ленинградским выдавалось некоторое количество муки и вина для причащения.

Я, конечно, был бесконечно далёк от всех этих внутрицерковных проблем и никогда не узнал бы о них, если бы не этот заказной фильм и не моё знакомство с митрополитом Алексием. Он и посвятил меня во многие заботы свои *во время трёх наших встреч*.

Не скрою, что при первой встрече я волновался. И дело не только в том, что материал для меня был новый, неожиданный. В конце концов, когда-то я ничего и о металлургии не знал, и о снайперском движении, и об особенностях природы Дальнего Востока. Всё это постигалось сходу, по ходу работы над фильмами. Я не был готов к этой встрече *психологически*! Вот что самое главное и трудное. И во многом внутренне ей противился, хотя понимал, что она необходима.

Уже первые минуты беседы с митрополитом Алексием развеяли мои опасения и сомнения. Он расположил меня к себе *сразу*. Могу со всей ответственностью сказать, что он был человеком мудрым, тонким, деликатным, очень образованным, *светским* в самом лучшем смысле этого слова. Ая, честно говоря, больше всего боялся встретить сурового монаха, диктатора, отшельника, даже фанатика. Ничего подобного!

Прежде всего, митрополит Алексей, выйдя к нам (а явился я сразу с оператором и администратором), осведомился, сыты ли мы, предложил нам чаю с хлебом и двумя кусочками колотого сахара для каждого. По тем временам – божественный пир! Он и сам в нашей трапезе принял участие. Был непринуждён, внимателен к каждому. Что особенно меня поразило, проявил отличную осведомлённость с первых же слов о положении на фронте, в блокадном городе, знали о деятельности нашей Объединённой киностудии, правда, – в самых общих чертах.

Жил он тут же, в Никольском соборе, занимая наверху одну из комнат. Но в первую нашу встречу я чести посетить сию келью удостоен не был. Он нас принял в другом помещении на втором этаже. Тут же, при нас он пригласил старосту, представил его нам, потом рассказал ему коротенько о замысле фильма, о его целях, задачах, о крайне сжатых производственных сроках. Все это говорилось обстоятельно, абсолютно *современным русским языком безо всякой архаики*, и это я, как литератор, отметил для себя сразу. Более всего митрополит волновался, хватит ли электрического освещения для съёмок. Оператор не стал вдаваться в технические тонкости, но в целом сказал, что света очень мало, может ничего не получиться. В любом случае *надо дать полный свет* \ Свечи должны быть не только в кадре, но и освещать, выполнять функциональную роль. Староста вместе с оператором и администратором отправились смотреть электрооборудование собора. Я в эти технические дела решил не вдаваться и воспользовался временем для того, чтобы послушать митрополита.

В этот первый раз, в эту первую встречу мы говорили *только о самых общих заботах, тревогах и нуждах*. Прислушивались к звукам, доносившимся с неба, – не мистическим, а самым что ни на есть реальным – фашисты бомбили остервенело! И тут я впервые для себя сделал открытие – оказывается, митрополит *сведуиц в военных вопросах*! Во время войны даже

очень далекие от военного дела волей-неволей в чём-то стали разбираться. Я как журналист, киносценарист, лектор не раз слышал от казалось бы совсем неискушенных в военном деле людей и термины, и упоминание о тактико-технических данных. Кое-кто научился читать карту, многие горожане дома имели карты (не секретные, конечно, а чаще всего те, что ещё со школьных лет остались, учебные) и отмечали на них обстановку на фронтах. Но всё равно, профессионал есть профессионал. В словах же митрополита звучали *нотки профессионализма*. Он свободно владел военной терминологией, проводил параллели, сопоставления, упомянул о роли авиации в Первой мировой войне, знал даже калибры. А я, грешный, в этом, например, силен никогда не был. Меня как военного журналиста больше всего интересовал *человек на войне*, его психология. Меня эти военные познания митрополита так поразили, что я долго не мог дать им объяснения.

Но не менее хорошо митрополит разбирался и в политике. Более того, говоря о проблемах Второго фронта (чувствовалось, что он большие надежды на него возлагает, чтобы хоть немного оттянуть вражеские силы от нашей страны), он судил о политиках Запада не как читатель, сторонний наблюдатель, а как светский человек, живо представляющий себе зримо и конкретно тех или иных политических деятелей, имена которых были тогда, как говорится, на слуху. Это было моё второе удивление!

Свои удивления я старался скрыть, вида не показывал. Третье, что меня поразило, – митрополит не строил из себя начальственного оракула, эдакого небожителя, взирающего с горней высоты на происходящее. Он подошёл ко мне как гражданин к гражданину, горожанин к горожанину, патриот к патриоту. Ни разу не спросил он меня, верующий ли я, православный ли я вообще, христианин ли я даже, есть ли у меня некое представление о делах церковных, искушен ли я вообще в предмете своего изучения. А тут мне крайне важно было перейти от общего к частному. Предложить ему стать *научным консультантом* я не мог бы ни при каких обстоятельствах! Это же не фильм об истории архитектуры или технологии той или иной отрасли промышленности!

Наконец я избрал такую форму просьбы – нам, мол, без Вашего *совета и помощи* не обойтись, предмет нашего фильма таков, что лишь совместные усилия и труды пойдут на благо нашего общего дела. Несколько витиевато, но правильно по существу.

Слово «*научный*» я даже не упомянул, а слово «*консультант*» оставил. Однако как теперь провести мысль о том, что в фильме нежелательны акценты на вероисповедности? *Главное – патриотизм верующих ленинградцев*. Каково же было мое изумление, когда митрополит сам поднял этот вопрос! Он сказал, что сценарий и дикторский текст должны носить *гражданский характер*. Фильм будут смотреть не только православные, не только христиане, но самые разные зрители, в том числе и за рубежом. Все равно в коротком фильме сущности православия мы не успеем раскрыть, он посвящён *лишь одной* миссии церкви. На ней и надо сосредоточить внимание. Я поблагодарил митрополита за понимание природы предложенного нами жанра кинодокументалистики и выразил надежду, что он окажет содействие съёмочной группе картины на всех производственных этапах. В итоге мы решили не откладывать дела в долгий ящик. Беседа наша первая была утром, а к полудню должен был начаться очередной сбор средств от верующих.

Вернувшиеся оператор с администратором выразили удовлетворение предстоящими условиями съёмки. Они тоже волновались – и спецзаказом, и необычностью материала и характера фильма. Однако как подлинно творческие люди (а в военные и довоенные годы и администраторы таковыми являлись!) они уже загорелись: живо обсуждали детали, делились впечатлениями о невиданной для них прежде обстановке. К сожалению, делали они это слишком явно, шумно и не очень-то деликатно! Я постарался их срочно по возможности утихомирить. Митрополит, глядя на них, улыбнулся краешками губ, но неудовольствия не выразил – он понял их состояние. Вообще, *способность понимать другого человека, по-моему, была зало-*

жена в этом человеке, была для него органична. Обладал он несомненно и даром предвидения. Не берусь сказать – о каких-то далеких сроках и прогнозах в отношении грядущего, но в делах конкретных он оказывался безусловно прав. Прежде всего, он посоветовал не упускать шанс – пока есть свет, нет воздушной тревоги, пока много прихожан, снять всё, что можно, *сейчас*. Он даже пошутил, что, мол, кинематографисты, я слышал, слишком долго седлают коней, перед тем как отправиться в путь... И я опять подумал о том, что в юности этому человеку, вероятно, приходилось, как и мне, сидеть на боевом коне.

Плётка у нас собою была, правда, немного. Мы срочно послали администратора за «подкреплением» и людским, и материально-техническим, а сами приступили к работе.

Главная для нас проблема – реакция верующих и просто случайных людей в соборе на наше присутствие. Скрытой камерой мы снимать не могли. К тому же, этот приём в чистом виде относится к кинодокументалистике уже 60-х годов. Тогда могла речь быть о том, чтобы оператор-документалист остался незамеченным или же человек настолько был чем-то увлечён, что, зная о присутствии оператора, тут же забывал о нём.

И тут нас буквально спас сам митрополит! *Он обратился ко всем присутствующим.* Его голос, в частной беседе довольно тихий, прозвучал в сводах храма ораторски. Он сказал о войне, которая вторглась на нашу землю, вплотную подступила к нашему городу, поблагодарил за помощь фронту и просил собравшихся вести себя так, как всегда – фильм нужен Родине, пусть люди работают. Им в таких условиях работать трудно, непривычно, им нужно помочь. Среди собравшихся в соборе нашлись у нас и неожиданные добровольные помощники. Когда со студии прибыло «подкрепление» (второй оператор, два ассистента, два осветителя), работы прибавилось, потребовалась помощь. Прежде всего, нам пришлось постоянно менять точки съёмки и по возможности – ракурсы. Несколько моментов дарения, преподношения мы даже, набравшись смелости, попросили повторить – слишком они были выразительны, а на экране смотрелись бы плохо. Наши участники съёмок безропотно соглашались и вновь возвращались в свою очередь и даже замирали на мгновение перед аппаратом. Особенно нас волновали крупный и сверх-крупный планы. Решать весь фильм на планах средних было нельзя. Широкоугольных объективов у нас не было в ту пору. Общий план, панорама получались плохо. Возникла монотонность... Требовались контрастные перебивки. Вы скажете, что всё это режиссёрское дело, а не сценарное. И да, и нет, но я и не был сценаристом в чистом, так сказать, виде. Мне было с самого начала сказано, что моя задача – организация съёмок и фильма в целом.

Снимали мы, конечно, с запасом, операторы постоянно работали с диафрагмой – этот свет для них был принципиально новым, он и падал и распространялся совсем не так, как в других помещениях, где им, хроникёрам, приходилось раньше работать, – в цехах, в клубах, в конференц-залах и т. д. Они снимали бесконечные митинги, собрания, заседания, пролёты цехов и ферм. Встречались и красивые интерьеры, и стройные радующие глаз колонны, но здесь после тревожного мрака блокадных помещений всё казалось сказочным, таинственно-праздничным, и это чувство передалось всем нам.

Так кто же проходил перед нами, перед нашими объективами в тот небывалый съёмочный день?

В основном всё же старики и старухи, встречались мужчины-инвалиды средних лет, увечные солдаты (они явно уже были демобилизованы), женщины средних лет. Именно они оставили самое горестное впечатление – я почему-то думаю, что всех их в собор привели утраты, утраты *невозвратимые*. Было несколько детей, но эти дети не сами пришли, а привели своих бабушек... Все они приходили внести свою лепту в будущие самолёты и танки. Службы (во всяком случае, при нас) не было. Некоторые прихожане молились в сторонке. Собор большой – места хватало всем пришедшим. Редко кто сразу уходил: медленно ходили по собору, как по музейному залу, подходили к иконам, всматривались в них, шёпотом спрашивали что-то друг у друга... Чувствовалось, что многие ничего не знают о церковном убранстве и утвари и

имеют лишь самое общее представление о назначении тех или иных предметов. Были и истово молящиеся, не видевшие и не слышавшие вокруг себя ничего. Невольным свидетелем такого откровения мне довелось стать, когда я продолжал искать всё новые и новые точки для съёмок. Шёл, шёл и замер... Молилась старуха о внуке своём, танкисте Волховского фронта... Как-никак, я всё-таки курс закона божьего в реальном училище прослушал. Посему могу со всей определенностью сказать, что молитвенных текстов старуха не знала. Её молитва была вольным текстом сугубо светского содержания. Она шептала о том, какой славный и умный был у неё внучок, как хотел учиться в Политехническом институте, как тяжело она прощалась с ним, как погибли все родные и близкие, как тяжело ей одной его ждать, а вестей с фронта никаких нет... Вообще по сути своей это не молитва даже и была, а *людское откровение*.

... Драгоценности и деньги всё стекались и стекались, всё высились и высились... Будь среди нас искусствовед, знаток ювелирного искусства, он бы наверняка сделал для себя немало открытий. Он бы живо представил себе, где и как была создана та или иная вещь, как она пришла в город на Неве, мысленно проследил бы за ней от момента приобретения до вот этого мгновения, которое мы фиксируем своими киноаппаратами. Впрочем, для этого уже нужен дар чисто литературный. И вдруг я со всей остротой ощутил неотступное желание вернуться к чисто художественным жанрам! Да куда там! Текучка взяла меня в свою блокаду...

Митрополит во время съёмок несколько раз отлучался, возвращался к нам, спрашивал, не нужна ли ещё какая-нибудь помощь, ещё какое-нибудь содействие. В конце он спросил, достаточно ли будет материала, выразил пожелание снять собор снаружи, показать на экране вход в храм...

Мы сердечно поблагодарили митрополита и поспешили на студию: нас больше всего волновало то, что извечно волнует любого кинематографиста после съёмок: *как получилось?*

Получилось в целом неплохо, какие-то кадры были просто открытием, но многое и не удалось по чисто техническим причинам. Мы сделали некоторые досъёмки на улицах, последовали совету митрополита и сняли собор и вход в него. Теперь я должен был садиться за написание сценарного плана и дикторского текста. На это ушло несколько дней. За это время начерно мы смонтировали материал и посмотрели его в просмотровом зале. Теперь надо было вновь обращаться к митрополиту, и я повёз ему дикторский текст и сценарный план.

Человек, хорошо знающий Ленинград, может себе живо представить, что студия от собора недалеко: студия – на Крюковом канале, собор почти рядом. Транспорта у нас не было. У митрополита был личный транспорт – лошадка и возок. Это мне хорошо запомнилось, ибо я давно в блокадном Ленинграде *живых* лошадей не видывал!

И вот я в его покоях на втором этаже Никольского собора. *Это наша вторая встреча*. Она более обстоятельная, неторопливая. Мы уже знаем друг друга и, могу сказать об этом со всей уверенностью, *расположены друг к другу*. Но как митрополит отнесётся к моему варианту дикторского текста?

Дикторский текст у меня вышел коротким. Я считал и сейчас считаю, что в документально-публицистической ленте он должен быть минимальным. Другое дело – научно-популярное кино, специальная тема. Тут без пояснений никакие обойтись.

Что же касается самого сценарного плана, то и тут переусложнять задачу не следовало. Люди верят в Красную Армию, верят в победу, они помогают посильно своему городу, району, дому, соседу по квартире, по лестничной площадке, но они хотят помочь и стране в целом. А как это можно сделать? Многие нетрудоспособны, немощны, голод и так изнурил их. Но их средства могут влиться в сумму, достаточную для изготовления большой и грозной боевой машины, которая (как знать!) может дойти и до Берлина в будущем. И в ней, в этой бронемашине, или в этом самолете будет и доля того, что принадлежало тебе, *рядовой ленинградец!* Как вы видите, ничего собственно церковного, религиозного нет. Однако организатором сбора

средств выступила Русская православная церковь, средства собирались в храмах. Вот об этом и говорилось в дикторском тексте.

Сейчас, спустя многие годы, думая об этом фильме, я вспоминаю лица, глаза и руки. Это незабываемое волнующее зрелище! Боюсь, что за исключением детей, сопровождавших своих бабушек, никого уже в живых не осталось. Но до Победы многие из них дожили. В это мне очень хочется верить!

... И вот я в личных покоях митрополита. Не знаю, как живут сейчас высшие церковные чины, но митрополит Алексей жил скромно, аскетично, но по-своему уютно. На келью отшельника виденная мною комната похожа не была. Разумеется, иконы, религиозная литература, но на рабочем столе митрополита я увидел тома из второго издания собрания сочинений В. И. Ленина и первого издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Это не был парад книг – чувствовалось, что ними работали, отбирались специальные тома, другие же стояли на полках. В некоторых из них я успел заметить бумажные закладки.

Митрополит учтиво пригласил меня сесть, угостил, как и в прошлый раз, крепким чаем с хлебом и сахаром. Сам принял участие в чаепитии. Начали мы с обстановки на фронте нашем, на других фронтах. *Иначе и быть не могло – этим жил каждый из нас*. Особых перемен за истекшее время мы не заметили. Митрополит осторожно, словно боясь огорчить меня вопросом (вдруг результаты проявки плёнки оказались печальными!), поинтересовался, как в условиях блокады работает студия – при постоянной нехватке электроэнергии, материалов, химикалей и т. д. Я по мере своих знаний и осведомлённости постарался ответить и в свою очередь очень осторожно полюбозыгривал, велико ли делопроизводство в его ведении, немало ли оно отвлекает от более важных забот и деяний.

В ответ я услышал, что канцелярия невелика, что она находится тут же, в Никольском соборе, что то, что в миру называется *организационной работой*, тоже важное дело и пренебрегать им ни на каком посту не следует, ибо это, в конечном счёте, *связь между людьми*. Меня буквально потряс рассказ митрополита о том, что верующие собирают средства на танковую колонну и эскадрилью даже *за линией фронта, на оккупированной врагом территории* и переправляют эти средства сюда, к нему как к митрополиту. «Потом всё собранное мы передадим руководству города для переправки на Большую землю, – сказал митрополит, – но я хочу верить, что наш фильм опередит эту отправку». С тем и приступил к чтению принесённых мною машинописных текстов. Читал спокойно, вдумчиво, никак не выражая своего отношения к прочитанному. А уж мне-то на своём веку немало пришлось повидать, как горячились консультанты, как язвили над каждой строкой коллеги, как метали грома и молнии хударуки разных рангов. Один лишь человек меня потряс своей доброжелательной выдержкой и с трудом скрываемыми увлечённостью и азартом – подлинный художественный руководитель «Ленфильма» Андриан Пиотровский.

Закончив чтение, митрополит с лёгким поклоном возвратил мне рукопись и сказал, что, по его мнению, другого варианта текста и сценарного плана искать не надо и вдруг предложил на всякий случай предусмотреть и надписи на экране *чисто текстовые* – вдруг фильм могут смотреть люди, которым пояснительные надписи будет легче воспринимать в силу тех или иных причин, к тому же так легче будет и возможным переводчикам на другие языки.

И я вновь поразился *удивительной способности митрополита говорить многое и о многом, сказав очень мало*.

Мы условились, что я непременно приглашу его на просмотр, когда всё будет готово. На том мы и расстались.

Работа над фильмом шла боевыми темпами, и вскоре всё в основном было готово. И я сам отправился в Никольский собор пригласить на просмотр нашего консультанта и советчика. Разговор был очень коротким, и я его в свой актив даже не вношу. Посему дальше буду говорить *о третьей*, а не о четвертой нашей беседе.

На киностудиях всегда вечная неразбериха, а в военных условиях и того хуже! То зала нам не давали сразу, то механик куда-то подевался. Пришлось подождать. Я неловко пошутит о кинохаосе и попросил запастись терпением. Прошли в зал. Вдруг оказывается, какие-то нелады с проекционным аппаратом. Возникла пауза. Чтобы её уместно заполнить, я стал рассказывать о работе кинематографистов во фронтовых условиях, потом зашла речь о блокадном репертуаре, вспомнил я и довоенные фильмы, в том числе – и художественные, отметив при этом военно-историческую тему.

Митрополит очень оживился, когда я стал ему рассказывать о том, что мы собрали небольшой фонд таких фильмов, в том числе в этот фонд вошли «Александр Невский», «Богдан Хмельницкий» и «Минин и Пожарский». Я спросил, удалось ли митрополиту посмотреть эти ленты в довоенные годы. Митрополит посетовал, что ему, как духовному лицу, неудобно посещать кинотеатры, а иной возможности познакомиться с этими фильмами у него нет. Я-то по наивности думал, что у церковного руководства и кинозал есть! Ничего подобного в ту пору не имелось, оказывается.

И тут я на свой страх и риск, извинившись за отлучку, рванул к студийному начальству – так, мол, и так, говорю, надо митрополиту фильмы о воинстве русском показать. Что у нас есть? Сейчас? Оказалось – «Александр Невский» и «Богдан Хмельницкий». Копии в хорошем состоянии, показать их можно. Я обратно в просмотровый зал. Митрополит Алексей терпеливо меня дожидается. Предлагаю ему программу – после просмотра нашего фильма (я так и сказал – НАШЕГО) можем предложить на выбор «Александра Невского» или «Богдана Хмельницкого». Митрополит улыбнулся и как-то очень добросердечно и учтиво попросил: «А можно не *или*, а *и*? И то, и другое. И нет ли у вас “*Минина и Пожарского*”? Я лишь читал об этом фильме. К тому же он, хотя и о другом времени, но прямо о том, о чем и *наш* фильм». И он так и сказал: «НАШ». Я ответил, что в принципе можно – зал за нами до позднего вечера закреплен, но копия фильма «Минин и Пожарский» не очень хорошего качества. «Это не беда, – ответил митрополит. – Основное понять и почувствовать можно!» На моё предостережение, что это всё подряд очень утомительно, он ответил, что это его не страшит, а другой возможности может больше не представиться. Я дал команду киномеханику: «*Мотор!*», а сам ринулся организовывать для митрополита копии заинтересовавших его кинолент, а также какой-то, пусть самый скромный стол.

Наш фильм митрополит принял благосклонно, подтвердил свои прежние оценки сценарного плана и дикторского текста, особенно отметил качество и эмоциональную выразительность съёмок, добавив при этом, что впервые убедился в том, что документальное кино может волновать как художественное произведение. Я в свою очередь от имени руководства студии и коллег кинематографистов сердечно поблагодарил митрополита за понимание, помощь и добрые советы. Мы вместе просмотрели «Александра Невского», сделали перерыв и втроём вместе с киномехаником разделили скромную трапезу с чаепитием. Киномеханик поначалу робел, чувствовал себя неловко рядом с таким духовным лицом в облачении, а потом довольно быстро освоился и стал внимательно слушать нашу беседу.

А беседа была о русской истории. Я историческую тему очень любил и сейчас люблю – почти все мои произведения носят исторический характер. Немало читал и как читатель, и как редактор, и как автор, подбирающий материал. Историю (особенно историю искусств) как студент и слушатель с особым удовольствием изучал. Митрополит оказался очень искушенным в области истории человеком, эрудированным, мыслящим. Он знал множество фактов, умело их подавал, прекрасно вёл беседу, был демократичен и деликатен по отношению к собеседникам, слушателям. Киномеханик, выдавший виды в просмотровых залах (слышимость-то неплохая!), бывший свидетелем чаще разносов и скандалов, чем неспешных бесед и поздравлений, потом сказал мне, что он просто очарован неожиданной беседой. Сам он человек в годах, неверующий, думал, что кроме молитв и цитат канонических ничего не услышит, а он вообще ничего

несветского не слышал, будто беседовал с профессором вуза или музейным работником, или же литератором...

Отдохнув, мы ещё посмотрели два фильма и оба проводили митрополита до выхода, где его ждал возок. Я чуть было не забыл сказать, что, узнав о возможности просмотра художественных лент, митрополит попросил меня спуститься вниз и отпустить возницу, назвав ему примерное время окончания просмотра. Это тоже яркая черта в характере митрополита, и я её не могу не отметить.

... Прощались мы навсегда, а так, как будто – до следующей светской встречи. Больше никогда не виделись. Вскоре он стал патриархом и долгие годы возглавлял Русскую православную церковь. Для таких людей, как он, время идёт медленно, и живут они долго...

Я стал москвичом, изредка слышал упоминание о *патриархе* Алексии, видел его несколько раз на телеэкране. Очень он постарел. Ведь он и тогда в блокаду казался далеко не молодым человеком. Потом он умер, и я прочитал об этом. Прочитал и решил начать этот мемуарный очерк о том, как я, убеждённый атеист, встречался с будущим патриархом в осаждённом Ленинграде, как мы делали наш фильм, как беседовали... А беседовали мы как два патриота, два гражданина, мечтавших о Победе и гордых прошлым нашей сражающейся Родины.

Наш фильм увезли в Москву, говорят, – на самолёте. С тех пор я его не видел. Писатели порою сетуют – вот подарил бы свою книгу, да не могу: все экземпляры разошлись. А что от фильма остаётся! Тем более заказного?.. Да ещё такого, как этот!..

Слышал я, будто в Москве наш фильм доснимали, включали в него кадры отправки на фронт зимой из-под подмосковной Коломны танковой колонны имени Дмитрия Донского на фронт. Говорят, что какие-то кадры цитировались в фильмах о войне, но не те, что мы в Никольском соборе снимали. А как теперь проверишь, если авторства в полном смысле слова у меня в этот раз не было.

А потом я узнал, что патриарх Алексей *причислен к лику святых*. Выходит, я должен буду волей-неволей *жизние святого* писать! Но это уже *не мой жанр* \ И я отложил уже начатый очерк в сторону. А вот теперь вернулся к нему вновь. Толчком к принятию этого решения послужил один дорожный короткий разговор.

Как-то в конце лета, когда уже дождало и осенний холод созвучен был с душевным моим состоянием, возвращался я в Москву из своего любимого Абрамцева, где жил летом. А это – по направлению к Загорску. Подсел ко мне какой-то иерей в облачении, завёл разговор о том о сём, о возрасте моём преклонном, в котором пора о божественном подумать. Я вспыхнул! Меня возмутила и бесцеремонность сего «ловца душ», и его невежество, которое особенно проявилось в ходе нашей короткой беседы. И я ему рассказал о бывшем патриархе, о его уме, знаниях, благородстве и деликатности. Мой невольный собеседник был поражён моей осведомлённостью в делах церковных и в тонкостях вероучения – всё-таки учили нас в реальном училище «намертво», на всю жизнь! Не скажу, что я в споре его победил, скорее, у нас ничья вышла. Он был таким агрессивным, непоследовательным, недалёким, что с ним даже спорить было не интересно. А про патриарха Алексия он вовсе непочтительно и как-то по-холопыи выразился: «Что сейчас покойника вспоминать! Теперь над нами новый патриарх – *Пимен* \ За его здоровье и молимся!» Ну, прямо как в редакции журнала или в театре, или на киностудии – знакомые интонации, только должности по-иному называются!

Хорошо, что электричка была скорая, не всюду останавливалась, и за окном мелькнули знакомые перроны Ярославского вокзала.

Вернувшись домой, я достал из дальнего ящика письменного стола начатый очерк, перечитал его и вставил в пишущую машинку, которую мне подарило командование Первого Белорусского фронта за освещение Берлинской операции, чистый лист и набросал первые строки этого очерка.

1970–1978

Краткое пояснение о дополнении к очерку отца

Вы, уважаемые читатели, наверное обратили внимание на то, что митрополит Алексей разбирался в военном деле как профессионал. Разбирая отцовский архив, я нашёл одну неполную машинописную страничку – своеобразное дополнение к этому очерку. Вероятно, отец не успел её вставить в основной текст. Так вот, смысл этой вставки таков: митрополит в беседе с отцом обронил фразу «Третью жизнь живу: был студентом, изучал юридические науки, затем написал исследование “Комбатанты и некомбатанты в ходе боевых действий”, одно время служил в полку, где научился и верховой езде, и стрельбе, и многим другим военным премудростям, но в итоге всё же избрал путь богословский, по второму иду и поныне».

Так вот откуда у Симанского такие воинские познания! Важнейший комментарий для неспециалистов, которых подавляющее большинство. Комбатанты – это непосредственные участники боевых действий, некомбатанты – это, упрощённо говоря, мирное население, можно даже сказать, обыватели. Молодой юрист Симанский анализировал различные ситуации и определял правовое и отчасти административное положение некомбатантов. Всё это очень важные и крайне болезненные вопросы в военном XX веке.

Н.А. Сотников. Церковь зовёт к защите Родины

Обращение к верующим

... Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает её без нужды, без правды, с жаждою грабительства и порабощения; на нём лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих.

Но война – священное дело для тех, кто предпринимает её по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и всё, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества.

Алексий, митрополит Ленинградский

Ленинград

26 июля 1941 года

(Печатается по изданию: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. Москва, 1943 г.).

Н.А. Сотников. Зоопарк в антракте между бомбёжками

С малых лет у меня было пристрастие к миру животных и птиц. Я помнил в цирке знаменитого клоуна и дрессировщика Владимира Леонидовича Дурова и таких славных «артистов», как козёл Василий Васильевич, гусь Сократ, свинья Чушка, собачка Бишка да и сам в девять лет в Полтаве перед поступлением в реальное училище подрабатывал в передвижном цирке... ассистентом дрессировщика. Так что с дрессированными зверями и зверятами был знаком не только как зритель.

А вот как литератор до поры до времени миром животных не занимался, пока однажды в самые трагические для нашего Ленинградского зоопарка дни не оказался невольным свиде-

телем того, что в нескольких словах можно охарактеризовать, как небывалое явление живой природы в осаде.

В зоопарке на Петроградской стороне я оказался не по своей воле: попал под сильный артиллерийский обстрел. Слышу – разрыв, ещё разрыв. Подбегаю к стенке вольера и падаю в сугроб. Дождался отбоя тревоги, огляделся по сторонам. Всё и знакомо, и незнакомо одновременно: остатки разбитых беседок, павильонов, клеток, вольеров, перевернутые скамейки... Хаос, пустота.

Зверей я пока не вижу, но люди уже появляются. Вот стоит охранительница звериного покоя работница зоопарка Степанова, закутанная в белый широкий тулуп, прижала к груди винтовку. Притопывая ногами, обутыми в громадные валенки, она поглядывает на термометр – на шкале *больше тридцати градусов ниже нуля!* Но люди работают. Вот пожилой маляр, тоже закутанный в овчину по макушку, тащит к страусиному домику охапку дощечек для ремонта. Старик прилаживается на стремянке, словно дятел, начинает стучать топором по кровле павильона.

В радиорупоре вновь загремел металлический голос:

– Внимание, внимание! Артиллерийский обстрел района продолжается.

Степанова укрылась в кирпичной постройке. Я бросился туда же. Оглушительный разрыв раздался совсем близко. Соскочил с лесенки старик и упал на снег... Ранен?.. Убит?! Нет, переждал немного, поднялся и опять взялся за топор.

– Где же звери? – спрашиваю у Степановой. – Остались ли они в живых?

– Сейчас увидим, – отвечает и идёт в ту сторону, где только что разорвался немецкий снаряд.

Заглядываю в заснеженный вольер с пробитой осколками крышей и глазам своим не верю: там красуется рослый страус эму с веером из перьев на хвосте!

Иду дальше. За одной из загоронок торчат олени рога. Жив северянин! Тут же прыгает пушистый заяц. Я подумал: «Добыча ведь! Лакомая пища в блокадном городе! А голодные до крайности люди сберегли живность, не съели».

В соседнем вольере мечется и без того пугливая лань. К стенке прижался осмотрительный козерог.

У Невы вновь разорвался тяжёлый снаряд. По военной привычке падаю и переползаю к ближайшему обезьянному павильону. Зверюшки перепугались и сбились в кучу.

В обезьяннике я познакомился с верной служительницей зоопарка Евдокией Ивановной Дашиной. Истерически визжала мартышка Люся. Дашина подавала больному зверьку плошку с целебным настоем:

– Ветеринар признал у Люси нервное расстройство. Лечим валерьянкой, – поведала мне Дашина, сочувственно поглаживая голову мартышки.

Ухнул ещё один снаряд. Дашина прижала к себе зверька. В клетке заметался и завопил гамадрил Густав. Какой-то двуногий фашист Густав, притаившись за пушкой «Бертой» на Вороньей горе, пытается страхом своего тёзку, а Дашина протягивает плошку с валерьяновым настоем испуганному гамадрилу.

Отправляюсь в бегемотник. Довольно шустро поднялась с места знакомая всем ленинградским довоенным ребятам Красавица. Исхудала бедняжка! Увидев меня, она явно рассчитывала на угощение, но у меня с собой только журналистский блокнот и карандаши. Разочарованная Красавица полезла в свой бывший бассейн, а вода-то там давно вымерзла!

Подросла Дашина с кормом – маленькой охапкой сена и кучкой капустных листьев. На воле бегемоты, по наблюдениям Брема, обожают нежные цветки лотоса, но наша Красавица с удовольствием пожирала клочья хряпы: не до жиру, быть бы живу!

Но бегемотов не зря называют речными коровами: без воды им совсем беда! У Красавицы от безводья потрескалась толстая шкура. Экзотическое водяное животное болело из-за безводья и жалобно ревело.

Дашина очень жалела бегемотиху – она к ней привязалась ещё с детских лет: ведь за Красавицей ухаживал ещё с 1911 года отец, да и всё её детство прошло в зоопарке. И вот для спасения своей любимицы Дашина отправляется с двумя ведрами на Неву. По нескольку раз в день (!!!) вступал она на невский лёд, с превеликим трудом черпала воду, тащила ведра к бегемотнику, подбирала щепки, разводила костерок – нельзя же ледяной водой южное животное поливать! Зато как была счастлива Красавица, когда её добрая няня поливала её огромное тело теплой водичкой и смазывала целебной мазью!

Как видите, каждый знал своё дело и в каждодневном инструктаже не нуждался, но общее руководство в зоопарке было, и осуществлял его зоолог Николай Леонидович Соколов. Был у него в блокаду маленький кабинетик в промерзшем домике-временке. Застал я его склонившимся над огромной канцелярской книгой. Он сидел и писал свой блокадный зоодневник, не сняв шапки-ушанки и полушубка. На мраморном письменном приборе лежали какие-то кусочки металла.

Оказывается, это трагическая коллекция осколков бомб и снарядов, которые фашисты посылали на такой «военный» объект, как зоопарк!

Соколов позволил мне прочесть несколько страниц своих записей. Вот некоторые из них:
«9 января 1942 года. Сильный артобстрел. Ранен олень-изюбрь в левую плечевую кость. У самки козерога осколком пробито левое ухо. Помощь пострадавшим животным оказана на месте».

«1941 год. Девятый день войны. Сегодня мы отправляем в глубокий тыл наибольшие ценности нашего зоосада...».

Оказывается на баржу были погружены львы, тигры, чёрная пантера, ягуар Феликс, носорог Милли, зебра, редкие обезьяны с берегов Амазонки... Оставить пришлось наиболее громоздких. Что же стало с эвакуированными животными? Значительно позднее я узнал, что баржу с редкими зверями зверски потопил вражеский бомбардировщик в одном из каналов Мариининской системы!

Листаю наугад страницу за страницей:

«10 сентября 1941 года. У слоновника разорвалась фугасная бомба. Смертельно ранена слониха Бетти. Убит сторож. Многие годы ухаживал он за ней, хвалил её, нежил и не пожелал уйти со своего поста...».

На слоновьем мясе довольно долго продержались звери-хищники. Смертельно голодные сотрудники не взяли себе ни кусочка слонятины!

А вот удивительная история с бизоном. Провалился он в глубокую воронку от бомбы. Пришлось вытаскивать из ямы его с помощью лебедки. Вытащили *вручную!*

Мое изучение блокадных дневников прерывает уже знакомая мне Дашина. Она буквально врывается в кабинет Соколова:

– Николай Леонидович! Что делать? Мелкие хищники наотрез отказываются от пустой похлёбки. Чернобурки и куницы третий день ничего не едят. Горе мне с ними!

Мы все трое отправляемся к звериным клеткам. Горностаи, соболи и песцы облизываются возле пустых кормушек. Видна павшая от голода норка. Унылый волчонок сидит, понурив голову...

– Не обижайтесь на них, Евдокия Ивановна, – сокрушенно отвечает зоолог. – У хищников врождённое отвращение к растительной пище.

– Как же спасти их от голодной смерти? – с дрожью в голосе спрашивает Дашина.

– Придётся прибегнуть к военной хитрости, – отвечает, поразмыслив, Соколов, и направляется в небольшой зоомузей. Он взял чучело тетерева, извлёк из чучела опилки, подставку и набил его растительной смесью, которую тут же, на наших глазах, приготовила Дашина.

А дальше разворачивается прямо-таки кинематографическое действие, которое мне как сценаристу особенно интересно наблюдать. Лже-тетерев стоит перед чернобурой лисицей как живой. Она встрепенулась, изготовилась для прыжка... Цап! И наша лисичка с урчанием пожирает макет птицы вместе с перьями.

Соколов от радости потирает руки:

– Мы вас обманули, лисичка! Придется вам сделаться на время вегетарианкой! А это, впрочем, и полезно: во-первых, на природе хищники собирают и поедают целебные травы, а во-вторых, у них полностью исчезают глисты, неминуемые при мясном рационе.

...Тем временем артобстрел прекратился полностью, а бомбежка ещё не началась. Антракт. Да и мне пора по моим кинематографическим и журналистским делам. И всё же ближе к весне я опять заглянул в это волшебное царство.

Первое, что я услышал, это беседу двух пожилых рабочих:

– Ничего! Одолеем... Солнышко начало пригревать. Травка покажется. Оживёт наше звериное царство.

Вдруг над нашими головами послышалось птичье пенье. А может, это показалось, может, другой звук?.. Так и есть, поют! «*Между небом и землей жаворонок вьётся...*». Значит, птицы больше не сторают на лету от огненных взрывов. Значит, птицы несут весть о грядущей победе!

1942–1978

Марина Кузнецова. В зоопарк блокадный – несколько шагов

Поздняя осень 2010 года. Тот же зоопарк, на том же месте и так же называется – *Ленинградский зоопарк*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.